

ПРИШЛИ НА ОБОЧИНЕ

Проект братьев Стругацких

Денис Бурмистров

ЧЕРНЫЙ ВЫХОД

Пикник на обочине

Денис Бурмистров

Черный выход

«АСТ»

2015

Бурмистров Д. Е.

Черный выход / Д. Е. Бурмистров — «АСТ», 2015 — (Пикник на обочине)

ISBN 978-5-17-089617-2

Игорь Фомин всегда считал, что Зона задолжала ему. Она отобрала у него отца, и превратила лучшего друга в мутанта. Теперь у Игоря появилась возможность рассчитаться с Зоной, забрать обратно свое, кровное. Но сначала ему предстоит разгадать тайну убитого сталкера, найти все знаки, указывающие верный путь, уйти живым от бандитов и проникнуть в самое сердце Новосибирской Зоны Посещения. И пусть говорят, что каждый в Зоне умирает в одиночестве. Если у тебя есть настоящие друзья – всегда остается шанс найти выход из безвыходной ситуации.

ISBN 978-5-17-089617-2

© Бурмистров Д. Е., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Новосибирская область. Окраина города Искитима	6
Новосибирская Зона Посещения	11
Год назад. Новосибирская Зона Посещения	36
Новосибирская область. Город Искитим	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Денис Евгеньевич Бурмистров

Черный выход

© Денис Бурмистров, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Новосибирская область. Окраина города Искитима

21 мая 2000 года

Игорь Фомин в последний момент успел задержать шаг, балансируя на одной ноге. Прямо под рифленой подошвой ботинка, еле видная среди густой травы, холодно мерцала ловушка. От ее изломанной поверхности с повисшими капельками росы разбегались в разные стороны тонкие белые нити, виляя среди изогнутых стеблей.

– А-а! Умираю! – вновь закричал друг.

– Сейчас, сейчас, – раздраженно прошептал Игорь, лихорадочно выискивая взглядом безопасный маршрут. Недовольно поморщился, задержав дыхание, и потянул ногу назад, намереваясь отступить. Исцарапанный строительный ботинок показался свинцовым.

– А-а! – раздалось еще раз из кустов.

Игорь наконец сделал шаг назад, хлопнул себя по карману. Пусто, весь запас гаек истратил на преодоление канавы. Блин, придется теперь идти на ощупь... А идти надо!

Фомин вытер выступивший на лбу пот рукавом олимпийки и закусил губу.

Так, ловушка, судя по всему, перекрыла всю площадку. Можно попробовать обойти ее по лежащему куску гнилого шифера, но неизвестно, что там под ним. Или вернуться назад и попробовать идти вдоль канавы? Но там и так все гайки сгинули, явно гиблое место.

– Умираю! Скорее!

Попавший в беду Семен Старцев закашлялся. Кусты, в которых он лежал, затряслись, в стороны разлетелись сбитые с веток листья.

Игорь махнул рукой на опасения и рванул к куску шифера...

– Все! – раздался голос с неба. – Тебя «плеша» схарчила.

– Чего? – не расслышал из кустов приподнявший голову Семен.

– Я говорю, Игоряна «плеша» схарчила! – повторил громче сидящий на дереве Гоша Чесноков, довольно улыбаясь. – Так что тебе тоже капец.

– Не «плеша», а «плешь», – пробурчал под нос Фомин, поправляя одноклассника. – И где тут она?

Подросток повернулся вокруг своей оси, стараясь разглядеть замаскированную ловушку.

– Да вон же! – довольно засмеялся вихрастый Гоша, раскачиваясь на ветке и тыкая вниз пальцем. – Мне отсюда все видно! Я ее специально в канавку положил!

Фомин присел на корточки и раздвинул траву. И сразу же заметил размером с носовой платок целлофановое полотно, натянутое на рамку из проволоки. Рамка была погнутой, а на выдавшем виды черном плотном целлофане явственно виднелся грязный отпечаток каблука. Значит, действительно наступил.

– А я точно умер? – с недоверием спросил в стороне Старцев, с хрустом выбираясь из кустов. – Может, Игоряна только зашибло, а я его смог спасти?

– Схарчило Игоряна, – непреклонно отверг идею Гоша, мотнув чубом. – А тебя вообще шатун уволок.

– И ничего не уволок! У меня с собой кусочек сахара есть!

– Сахар от умруна, олух! От шатуна мешочек жгучего перца!

– Так это же не «плешь», – вмешался в дружескую перепалку Фомин, поднимая найденную конструкцию над головой. – «Плешь» же белая, с нитками! Я ее вон там видел!

– А ну-ка!

Чесноков соскользнул по скрипнувшей ветке, повис на руках, заболтал ногами в полуметре над землей и легко спрыгнул вниз, приземлившись рядом с Игорем. Он был самым

маленьким и щуплым среди всей троицы, но компенсировал свою субтильность прямо-таки обезьяньей ловкостью.

– Да, действительно, – хмыкнул Гоша, разглядывая протянутую ловушку. – Значит, я перепутал. Только это ничего не меняет. Раз не в «плешу», значит, в «студень» наступил. Все одно – кирдык.

Чесноков скорчил гримасу, высунул язык и полоснул себе пальцем по шее.

К ребятам подошел Семен Старцев, рослый и крепкий, на ходу отряхивая выцветшую армейскую «горку» от мелких веточек и травы. Ее Семену привез пару лет назад брат из какой-то далекой страны, где вроде бы шла какая-то война. С тех пор Старцев почти не вылезал из этой темно-зеленой униформы на зависть всем ребятам со двора.

– Ты небось вообще прохода между ловушками не оставил, – Фомин мельком взглянул на подошедшего друга и снова обратился к Гоше: – Так нечестно.

– Ты думаешь, что я жила? – изобразил искреннее возмущение Чесноков. – Не веришь – сам на дерево слазай, посмотри сверху!

– Да верю-верю, – добродушно отмахнулся Игорь, бросая рамку с целлофаном на траву – Только покажи тропинку, уж больно интересно где она.

Гоша хитро улыбнулся, скакнул в сторону, чуть не сбив посторонившегося Старцева, закружился на месте, вглядываясь в траву. Игорь и Семен молча наблюдали за ним.

– Вот! – Чесноков наконец остановился возле края канавы, в которой утопил все свои гайки Фомин, сделал три широких шага в сторону колючей кучи сложенных сухих сучьев. И пошел зигзагом, петляя между торчащими венчиками репейника.

– Ни фиги себе! – присвистнул Фомин, а Старцев беззлобно засмеялся. – Это называется тропинка? Как бы мы ее нашли?

– Да вы вообще в другом месте ходили, – невозмутимо ответил Чесноков. – Да еще и разделились, как дураки последние.

– Так было больше шансов добраться до артефакта, – уверенно сказал Старцев.

– Да ни фиги не больше! – со знанием дела парировал Гоша.

– А вот и больше!

– Не-а!

– Да ладно вам спорить, – вмешался Фомин. – Все равно оба вляпались.

– Да как он ловушки прячет, любой вляпался бы, – затихая, проговорил Семен.

– А вот на спор! – Как обычно, Гоша успокаиваться не хотел. – Давайте вы поле поменяете, любой сложности тропку сделаете, а я пройду! Любую!

Друзья переглянулись, Игорь ответил за обоих:

– Да ну его... Надоело уже в сталкеров играть. Давайте лучше в джедаев!

– Давайте! – переключился на другую тему Чесноков. – Чур я Оби Ван!

– Так он же старый, – удивился Старцев. – И его убили.

– Мы про новую часть, балда, – беззлобно рассмеялся Фомин. – Которая вот недавно вышла. Там он молодой еще. И живой.

– О, а дайте позырить! – встрепенулся Семен. Фильмы про космос он обожал.

– У меня на си-ди есть, – кивнул Игорь. – Дам посмотреть. Только ненадолго.

– Пойдемте, – призывно махнул рукой Чесноков. – Я знаю, где орешник хороший, тут недалеко. Световые мечи сделаем.

Игорь заколебался, прикидывая который сейчас час. Они и так забрались далеко от дома – для игры в сталкеров лучше всего подходила пустынная и страшная полоса отчуждения вокруг Зоны Посещения, а это, ни много ни мало, двадцать минут на автобусе от Искитима. А они еще и к заброшенному элеватору пешком шли примерно столько же. Хотя оно того стоило.

– Блин, домой по темноте придется ехать, – с сомнением протянул Фомин. – Может, во дворе поиграем?

– Можно и во дворе, – не стал спорить Гоша. – Давайте только до орешника дойдем и сразу на автобус. А пока ехать будем, мечи вырежем.

С этим все согласились.

Знай родители куда понесло их отпрысков, то не избежать мальчишкам хорошей порки по приходе домой. Но куда действовало правило «не пойман – не вор», ничто не мешало нарушать все мыслимые запреты. Впрочем, если у кого-то факт наличия эдакого загадочного объекта под самым боком и вызывал суеверный трепет, то для обычных искитимских пацанов слова «сталкер», «артефакт», «гравиконцентр» с пеленок составляли привычную реальность – бесспорно любопытную, но вряд ли более значимую, чем очередная серия «Покемонов» по телевизору.

– Главное, солдатам не попасться, – заметил Сёмка, сшибающий тонким прутиком головки с разросшихся полевых цветов. – А то опять тикать придется.

– Утикаем, – отмахнулся Чесноков. – Сём, ты математику сделал? Дай списать, а?

Старцев улыбнулся и покачал головой:

– Опять двадцать пять? Ты сам попробуй, там же легко. Да, Гарик?

– Да, – соврал Фомин, улыбувшись. Все знали, что Семен в науках голова, но никак не может понять, отчего другим знания даются со скрипом. Однако домашнее задание Игорь действительно сделал сам, хотя и пришлось попытеть.

– Ну видишь, – Семен показал на Игоря. – Это легко.

– Не дашь списать? – насупился Гоша, став похожим на нахохлившегося воробья.

– Да дам, конечно, – сдался Старцев. – Но пообещай, что потом придешь, и мы с тобой все разберем. Лады?

– Лады, – нехотя прогнусавил Чесноков.

Свернули в подлесок. Здесь деревья росли немного странно, ветками в сторону Зоны. На них никогда не было пышной зелени, по весне из почек стыдливо вылезали куцые огрызки бледно-салатового цвета, да так и торчали рахитами до самой осени. Дальше, за деревьями, начинался заросший крапивой овраг, по его дну тек мелкий ручей, холодный и маслянистый. Вроде как из самой Зоны водица приходила, и пахло от нее плесенью и ржавчиной. Собственно, от этого оврага до Периметра – забора, отделяющего нормальный мир от земли, испоганенной пришельцами, – было рукой подать. Мальчишки даже несколько раз пытались добраться до него, но их каждый раз перехватывали «краснопогонники» – охраняющие Периметр Зоны солдаты внутренних войск. Еле удавалось ноги унести.

– Далеко еще? – спросил Фомин, не очень желающий лезть через крапиву.

– Уже пришли, – Семен по колено вошел в высокую траву и указал подбородком на темные кусты орешника, спрятавшиеся в тени огромного клена.

И заорал, отпрыгивая назад, словно перепуганная кошка.

Что-то грязное, тяжелое зашевелилось в траве на самом краю оврага. До остолбеневших друзей донесся хриплый стон, глухой и злоеющий. А потом еле слышный мужской голос прошелестел:

– Помогите...

Старцев нервно крутил в руках бесполезную веточку, Чесноков сгорбился, стараясь казаться меньше, а Фомин, наоборот, вытянулся, пытаясь заглянуть за зеленую стену травы. Мальчишки то и дело бросали друг на друга испуганные взгляды, наполненные невысказанными, но всем понятными вопросами.

– Помогите... – вновь раздался голос, вибрирующий и слабый.

Первым, как всегда, сделал шаг Семен.

– Стой! – страшным шепотом остановил его Игорь. И, когда Старцев обернулся, пояснил: – Я с тобой.

Чесноков судорожно вздохнул и присоединился к друзьям. Держась вместе, школьники боком приблизились к незнакомцу.

Человек лежал на самом краю оврага, наполовину выбравшись из него. От несчастного вниз тянулась полоса примятой травы, местами вырванной пучками, и упиралась в разметанные заросли крапивы над ручейком. В свинцовой воде с распуганной ряской покачивался наполовину утонувший рюкзак.

– Сталкер! – выдохнул Чесноков.

Мужчина приподнялся на локтях и слепо повернулся на голос. Он был сильно истощен и измучен. С него струпами сваливалась засохшая грязь, одежда превратилась в изодранные и прожженные в некоторых местах ошметки. Лицо было черным от копоти и пыли, единственный глаз смотрел в пустоту, сквозь ребят. На месте второго глаза набухла большая багровая шишка. Когда-то ярко-рыжие волосы торчали ржавыми колтунами. Перекошенным ртом с тонкими бледными губами сталкер прошипел:

– За мной идут... Помогите...

– Чем? – осмелевший Гоша присел на корточки рядом со сталкером и с жалостью разглядывал его.

– Руку! – внезапно потребовал незнакомец, падая на бок и протягивая в сторону мальчишек скрюченные пальцы. – Дай руку!

Чесноков вопросительно поднял глаза на друзей, Фомин решительно мотнул головой.

– Не смей, – полусшепотом сказал Старцев. – Если он заразный...

– Руку! – Голос сталкера сделался просящим, он буквально умолял.

Гоша в своей обычной манере упрямо тряхнул челкой и под общий выдох товарищей подал незнакомцу свою худую ладонь.

Черные, заскорузлые пальцы сталкера сжались, словно зубы капкана, мужчина дернул мальчика на себя, от чего Чесноков чуть не упал и, прежде чем подскочившие Фомин и Старцев оттащили друга назад, пихнул ему что-то за пазуху.

– Сбереги... – Мужчина мученически свел брови, глядя сквозь ребят. – Я потом найду тебя... Отплачу...

Со стороны леса донесся азартный лай и хруст веток.

– Агас! – взвился Игорь. – Солдаты!

– Но как же... – Гоша беспомощно указал на лежащего сталкера.

– Бежим! – схватил его за руку Старцев. – Поймают – меня батя убьет!

И мальчишки сорвались с места, бросились в сторону города, сверкая пятками. По пятам, казалось, неся визг почуявших нарушителей служебных собак, летели окрики военных. Но ветер свистел в ушах, ноги сами выбирали знакомые лишь одним друзьям закоулки и дорожки, земля стремглав проносилась под ступнями. И, когда вконец запыхавшиеся друзья остановились, они уже были возле свалки, за которой высились жилые дома Искитима.

– Вроде оторвались, – отфыркиваясь, сказал Гоша.

– Конечно оторвались, – засмеялся Семен сквозь вздохи. – Никогда так быстро не бегал.

Фомин со стоном повалился на траву, вытянул гудящие ноги. Закрыв глаза и некоторое время лежал, слушая частый стук собственного сердца.

– Так что он тебе дал? – спросил Семен у Чеснокова. – Не посеял?

– Нет конечно! – возмутился Гоша. – Вот, смотри.

Что-то зашелестело, и Старцев тихо присвистнул.

– Ого!

Игорь не смог больше лежать безучастно, его распирало любопытство. Он открыл глаза и вскочил.

– А мне! Мне покажите!

Он увидел Чеснокова с вытянутым от удивления лицом. Озадаченного Старцева, что случилось крайне редко. Торопливо подошел к одноклассникам.

– Ну! – нетерпеливо произнес он.

– Только никому не говори, хорошо? – попросил Гоша.

И протянул к нему раскрытые ладони, на которых что-то лежало. Брови Фомина сами собой поползли вверх.

– Это будет нашим секретом, – добавил Старцев.

Новосибирская Зона Посещения

17 января 2016 года

Он в последний момент успел задержать шаг, балансируя на одной ноге. Прямо под рифленой подошвой ботинка, еле видная среди густой травы, холодно мерцала ловушка, переливалась радугой, словно бензиновая пленка на воде.

Смутное чувство дежавю промелькнуло и пропало, сменившись запоздалым испугом и мурашками вдоль спины.

Игорь перенес вес тела и убрал ногу, с облегчением поставив ее назад.

– Чего там? – раздраженно зашипел из-за спины Гриф.

– Аномалия, – не оборачиваясь, ответил Фомин. – Здесь не пройдем.

Гриф грязно выругался, но опомнился, сбился и забормотал неразборчиво. Старый плут вспомнил, что нельзя ругать Зону. Однако в последний год он все меньше следил за собой, и это было тревожным звоночком.

– Хорошо, – недовольно буркнул он. – Возвращаемся к бочкам. Ряба, топай первым.

До слуха Фомина донесся сокрушенный вздох, тут же пресеченный сухим кашлем Грифа. Игорь повернулся и двинулся в обратном направлении, привычно ступая след в след за идущими впереди.

Гриф был сухим, старым и сморщенным, как забытый на дне мешка финик. Болезненная худоба, некая птичья дерганость в движениях, а также неразборчивость в луте красноречиво показывали за что этого человека называли Грифом, а неприятный скрежещущий голос лишь усиливал это сходство. Никто точно не знал сколько ему лет и как зовут на самом деле, но говорили, что он топчет Зону с самого дня Посещения. Впрочем, этот факт никоим образом не прибавлял Грифу уважения или веса – сталкером он был посредственным, хабар таскал паршивый, много пил и впустую спускал все, что зарабатывал. Портящийся с годами характер никак не делал его душой компании, а дурная привычка не всегда следить за собственными словами вообще лишила старого сталкера какой-либо приятного общения. Единственное, что было у Грифа не отнять, – он отлично знал Зону и брал за услуги проводника меньше других. Именно из-за этого Фомин с ним и связался.

Впереди, за угловатой фигурой сталкера, маячил Валера Рябинин, Ряба. Его бочкообразная фигура с несоразмерно тонкими руками сутулилась и раскачивалась из стороны в сторону, словно Ряба всегда брел по колено в воде. На год младше Игоря, Валера окончил ту же школу, что и Фомин, но до недавнего времени они не были даже знакомы. Однако Игорь считал, что ничего от этого не потерял.

При первой встрече Валера вызвал у Игоря стойкое ощущение, которое он мог бы описать словом «рыхлость». Это отсутствие жесткой фактуры прослеживалось у Рябинина во всем – в круглых чертах лица, в его манере говорить вкрадчиво и тихо, в плавных движениях, в желании угодить всем и одновременно выгадать для себя кусок получше. Вместе с тем Валера обладал обширными знакомствами среди сталкерского сообщества, к тому же знал цены и спрос, словно заправский рыночный аналитик. В другое время быть бы ему клерком, но судьба распорядилась по-иному.

– Стой, – словно выючной лошади, прокаркал Гриф. – Не видишь куда прешь, бестолочь?

Он догнал замершего Рябу и ткнул ему в спину узловатым пальцем.

– Угробить нас решил? – зашелестел старый сталкер. – Не видишь где гайка лежит?

– Вон она, – промямли Валера, несмело указывая в траву.

– Дурья башка, – Гриф хлопнул Рябе по затылку. – Это же десятка! А у нас восьмерка.

Ты, вообще, размеры различаешь?

– Ну...

– Это не наша гайка, пузырь ты вонючий. Нашу ты шаг назад проворонил. Откуда ж вы взялись на мою голову...

Гриф привычно затянул песню про двух дураков, решивших идти в Зону «не зная броду», которые делают из него, уважаемого в свои годы сталкера, такого же дурака, который с ними связался лишь из-за начинающегося слабоумия и врожденного человеколюбия. При этом Гриф чуть было не помянул нечистого, который послал ему «двух пузырей вонючих», но вовремя осекся, суеверно сплюнув через плечо.

Брюзжания Грифа давно уже стали для Игоря привычными. Старый ходок любил пожаловаться на судьбу, но, покуда ему платили за работу, он ее выполнял по мере сил и желания.

– Далеко еще? – прервал словоохотливого Грифа Фомин.

Старик дернул нижней губой с растущим под ней венчиком седых волос, зыркнул из-под бровей, отодвинул в сторону притихшего Рябу и ответил сухо:

– Рядом уже. Видишь комбайн? Нам туда. Только поле обойти нужно, там «зеленка». Ну пусти...

Гриф выудил из кармана «путеводную» – крупную гайку, привязанную к мотку крепкой капроновой нитки, походя продемонстрировал ее Валере, дабы тот запомнил «какие наши», и легонько, навесом, швырнул вперед. Гайка лениво описала дугу, плюхнулась возле старой тракторной покрышки, сквозь которую проросла тонкая березка с облезлой корой. Гриф, прищурившись, осмотрел место падения, вытягивая и без того длинную шею, пожевал бледные губы, примеряясь.

– Идем, – наконец мотнул он головой и осторожно побрел к гайке, выбирая нитку. Парни двинулись следом – сначала Ряба, Игорь замыкающим.

До комбайна шли около часа, выискивая безопасный маршрут. Показав как нужно идти, Гриф быстро уступил место Фомину, пристроившись за ним. Игорь и не ждал, что старый прохвост остаток пути будет «первым номером», потому безропотно взвалил на себя эту обязанность.

Дорога вышла извилистой. Удачно обогнув яму с застывшей на дне «зеленкой», похожей на густую жидкость ярко-изумрудного цвета, уткнулись в разлапистую кляксу «комариной плещи». На то, чтобы обозначить границы гравиконцентра, ушло двенадцать гаек. Когда наконец бурчащий Гриф вновь забросил «путеводную», прокладывая отрезок пути, та легла вроде бы хорошо, но старый сталкер остался недоволен. Приглядевшись, Фомин различил обрывок грязной тряпки с черной пуговицей – рукав куртки с почерневшими обломками лучевой кости. Ткань давно прогнила и потеряла цвет, земля вокруг выглядела безопасной, даже маленькие розовые цветочки смотрелись мило и совсем по-нормальному. Это называется «Зона прикидывается» – хитрая шельма морочит голову и пытается усыпить бдительность. Только дураки попадают на подобные трюки.

Пришлось опять возвращаться, нервируя подергивающуюся от шума шагов «зеленку». Попавшая в западню аномалия бессильно выкидывала ложноножки на стенки ямы, но не могла преодолеть гравитацию и подняться вверх. И все равно проходить мимо нее было неудобно.

Со стороны сгоревшего сарая, от которого остались лишь три рассыпавшиеся кирпичные стенки и торчащие в разные стороны трухлявые балки, донесся стрекочущий звук, будто кто-то водил пластиковой карточкой по тёрке. Потом раздался резкий и пронзительный свист, оборвался на высокой ноте, и у сталкеров на секунду заложило уши.

– «Бродяга» проснулся, – прокомментировал Гриф, ковыряясь тощим мизинцем в ухе. – Туда тоже не пойдем.

В итоге, пропахав на пузе небольшой пригорок и переждав шагающую и искрящую паутину «веселого призрака», они оказались в нескольких метрах от комбайна. Мертвая машина возвышалась горбатым уродцем, словно сказочный тролль, выползший из-под моста. Вся

обросшая «ржавым мочалом», перекошенная, вросшая бортами в землю, с торчащими лопастями мотвила и вечно ухмыляющимся из-за потемневшего стекла «Весельчаком Васей» – скелетом погибшего во время Посещения комбайнера.

– Вон она, – жарко выдохнул Ряба, и его глаза алчно загорелись. – Лежит, родимая. Надо брать!

– Тихо, – шикнул Гриф, скалясь. – Обождем, обнюхаемся.

Артефакт действительно находился там, где и сказал Фагот. Субстанция, похожая на крупный комок коричневой глины с торчащими в разные стороны серебристыми усиками, покоилась в тени комбайна, доверчиво привалившись к покореженному корпусу Близкая и такая открытая, прямо поднимай и уноси.

Но вот тень... Нехорошо, что она лежит в тени. Тень в Зоне – это плохо. Особенно если она от комбайна, в котором вот уже почти сорок лет гниет, но так никак не истлеет полностью труп комбайнера.

– Ну-ка, – Гриф повернул голову к Игорю, – кинь гаечку.

Фомин послушно вытащил тяжелый шестигранник и, примерившись, бросил прямо в тень. Гайка тяжело упала, прокатилась по земле, легла набок, да так и осталась, спокойная и равнодушная.

– От же зараза, – помрачнел Гриф. – Не кажет засаду. А тень эта мне не по душе, ох, не по душе... Кинь еще одну!

Игорь повторил. Тот же результат.

Повисла пауза, прерываемая лишь шелестом травы. Наконец старый сталкер принял решение, сдвинул брови и прошептал:

– Давай-ка, Ряба, по-тихому к ней.

– А чего это я? – испуганно взвился Валера.

– А чего не ты? – удивился Гриф. – Или ты сюда так, жир растрясти пошел? Давай, время идет. Скоро уже вечер, а нам еще назад пилить.

– Но...

– Слышь, малек, – голос сталкера сделался жестким, в нем прорезалась непреклонность бывалого ходока. – Я и так ваши гроши отработал по полной. Сейчас, считай, сверхурочно пашу. Мне эти ваши «ежики»-пыжики уже на хрен не нужны, меня дома баба ждет и пакет шнапса под койкой. Ну чего? Корму поворачиваем и до хаты?

Валера бросил умоляющий взгляд на Игоря, но Фомин слишком хорошо изучил своего вынужденного товарища и его привычку загребать жар чужими руками. Потому не откликнулся на Рябин скулеж, а принял отсутствующий вид. Того же Грифа можно понять – ему было заплачено за проводку до места и обратно, но торчать в Зоне сверх нужды он не желал. Что до Игоря, то вопрос кому лезть за артефактом был для него принципиальным. Грифу Фомин заплатил из собственного кармана, за информацию про «ежика» тоже. Тогда как Ряба, претендующий на равную долю от продажи артефакта, не вложил в дело ни копейки. Так что нечего, пришло время отработывать.

Валера трагически вздохнул, его плечи трагично опустились, а лицо приобрело мертвенную бледность. Но он все же скинул рюкзак, вытер рукавом лоб и медленно пополз вперед, отключив обтянутую брюками задницу.

Полз Ряба тяжело, обильно потея и застывая после каждого движения. Он походил на толстого домашнего кота, решившего вдруг поохотиться на дворовых птиц. Но Фомин понимал его страх, сам не раз вот так же полз вперед, гадая, где его схватит очередной инопланетный капкан. Оттого сейчас он про себя повторял весь маршрут Валеры, напрягая мышцы и закусив губу от переживаний.

Когда Ряба почти добрался до злополучной тени, Гриф вдруг хлопнул ладонью по земле и прошипел сквозь зубы:

– Замри!

Вдоль позвоночника холодно стрельнуло, и Игорь ощутил, как побежали суетливые мурашки, поднимая волосы на загривке. Что? Что он просмотрел?!

Застыл и Валера, прекратив дышать и лишь кося круглым от ужаса глазом на оставшихся позади сталкеров.

– Что такое? – еле слышно спросил Фомин.

В ответ Гриф впился жесткими пальцами в его подбородок и насильно повернул голову Игоря влево.

Людей было двое. Они показались из-за гребня, гуськом поднимаясь вверх. Один был длинным и голенастым, с тощими руками и широкими ладонями. Он заметно сутулился, как все чересчур высокие люди, то и дело пытался пригладить торчащие в разные стороны густые волосы и вообще казался сбежавшим с поля чучелом.

Его напарник выглядел менее странно – простой мужчина средний лет с небольшим брюшком и залысинами. На его носу блестели очки в толстой оправе, на правой руке вроде бы не хватало пальцев.

Фомин узнал эту парочку прежде, чем Гриф неприязненно протянул:

– Грачи, пузырь их раздери.

Тощий словно услышал – повернул голову и обвел окрестности внимательным взглядом. Гриф тут же нырнул лицом в траву, его примеру последовал и Игорь.

Тощий поправил съехавший с плеча обрез и вновь повернулся к своему напарнику. Тот как раз развязывал клапаны небольших вещмешков, с которыми они пришли.

Со стороны комбайна раздалось сдавленное сопение – это Ряба пытался понять, почему ему приказали остановиться. Грачей он не видел.

Гриф зашипел, словно утюг, и сопение оборвалось.

Оставаясь незамеченными, он и Фомин наблюдали, как пришлые развязали вещмешки, как тощий выудил небольшую книжку в потертом кожаном переплете и принялся читать. Его товарищ подхватил рюкзаки и сделал пару шагов туда, где в низине раздраженно плескалась «зеленка». Один за другим он перевернул их дном вверх, вытряхивая содержимое, словно мусор.

Из вещмешков посыпались завернутые в плотную темную бумагу свертки разной величины.

– Японский собаковод, – выругался Гриф, приподнимаясь на локтях. – Вот утырки!

Словно разделяя его негодование, в сарае снова заворочался «бродяга», громко шелкая и завывая. Кажется, Игорь даже слышал гулкие хлопки, словно кто-то со всей дури бил камни друг о друга.

Тощий зябко поежился, дочитал, и, когда его напарник вернулся, они поспешно ретировались, скрывшись за высокой травой.

Не успели грачи отойти подальше, как Гриф поднялся на колени и вполголоса сказал:

– Не было печали – завалило кирпичами...

– Они артефакты выкидывали? – спросил Игорь, чтобы развеять собственные сомнения.

– Угу. Хабар гребят, утырки...

– Ползти дальше? – раздался голос Рябы.

– Да ползи уже, – отмахнулся старый сталкер и вперился в Фомина блестящими глазами, – Там сейчас хабара тонет на несколько сотен! А этот «ежик» так, мелочовка. Еще можем успеть вытащить хотя бы часть!

Игорю передалось волнение сталкера – старого пса не исправить, при виде такого количества артефактов даже видавший виды Гриф наполнился жадностью и азартом. Парень кивнул и даже привстал, на секунду позабыв обо всем.

Он не сразу опознал в резанувшем слух звуке человеческий крик. Орал Ряба, орал страшно и в полную глотку. Повинуясь приказу Грифа, он вполз в тень и попал в «муходавку». И его дела были плохи.

Валера орал, пытаясь оторваться от земли, к которой его нещадно, медленно и неумолимо прижимал невидимый пресс. Он взлягивал ногами, стараясь выбраться из-под поймавшей его ловушки, но та держала крепко, вдавливая тело несчастного в дерн.

– Идем быстрее! – Гриф со всей возможной скоростью поднялся и махнул Игорю. – Покуда все не утопло.

– Но Ряба!..

– На хер балласт!

И торопливо потопал в сторону ямы.

Фомин тоже вскочил, его взгляд метался между уходящим сталкером и распластанным Рябой. Неужели Гриф серьезно хочет бросить Валерку? Вот так, запросто?

Голос Рябинина сорвался, и он засипел. И без того грязные штаны намокли и потемнели в районе промежности.

Гриф обернулся:

– Пузырь не жилец! Ты за баблом сюда шел? Так шевели поршнями, там на двоих хватит!

Игорь на секунду, на доли секунды застыл, внутренне борясь сам с собой. Деньги действительно нужны, очень. Но Ряба, каким бы прохиндеем ни был, – он же человек! Живой человек!

У Фомина словно сорвало тормоза. Вот он стоял, делая выбор, а вот уже перепрыгивает через пригорок, позабыв про опасность, в два прыжка достигает Рябы и хватается за ноги. Летят комья земли, когда Игорь упирается каблуками и тянет, тянет, тянет...

Под пальцами затрещала ткань, предательски задрожали колени. Ничего не понимающий от ужаса Ряба пинался, но Игорь держал крепко, сантиметр за сантиметром вытаскивая его на себя. Хорошо, что сверху мягкая земля и трава, есть пространство для маневра. А Валерка уже не сипел, лишь гортанно булькал и пучил глаза на красном от прилившей крови лице.

Игорь зарычал, зажмурился от напряжения, отчаянно рванул...

И опрокинулся на спину, когда сопротивление внезапно пропало. Ловушка отпустила свою жертву.

– А-а! – Обезумевший Валера, почуввав свободу, с усиленным рвением взвился, ломанулся к спасительному пригорку, не разбирая дороги. Игорь чудом успел увернуться от мелькнувших прямо около лица ботинок, в последний момент схватил-таки Рябу за ногу и дернул на себя.

Не хватало еще, чтобы он с перепугу влетел в другую ловушку!

За свои старания Игорь схлопотал хороший пинок прямо в лицо, охнул от резкой боли в носу, его пальцы разжались. Из глаз брызнули слезы, ладони сами собой закрыли ставшее вмиг липким и горячим лицо. Фомин заскрипел зубами от боли и обиды, но остался лежать на месте, опасаясь сослепу надеть глупостей.

– Сука ты, Ряба, – прорычал он сквозь зубы.

– Стоять, Зорька! – раздался, словно из тумана, резкий, как выстрел, окрик Грифа. Тут же заблеял Ряба, звонко шлепнула пощечина, и все стихло.

Игорь совладал с собой, приподнялся, осторожно вытер пальцами лицо, стараясь не касаться носа, кажущегося огромной горячей и пульсирующей лампой. Открыл слезящиеся глаза.

К нему спиной, на пригорке, сидел Валера, прижимая руку к горячей багровым щеке. Рядом, стоя на колене, разместился Гриф. Старый сталкер склонился над чем-то, обнажив в довольной улыбке кривые зубы.

– Не зря сходил с вами, пузыри, – Гриф коснулся чего-то рукой, и до слуха Фомина донесся тонкий хрустальный звон. – Вы, по ходу, удачу мне приносите.

Фомин сдержанно вздохнул, унимая ругательства внутри себя, заткнул струящуюся из носа кровь рукавом и выбрался к остальным.

Сказать, что он был злой как черт, было бы не сказать ничего.

В это время года граница между Зоной и остальным миром выглядела по-особенному символичной. Когда вечный июль территории Посещения встречался с уральскими морозами, над полосой отчуждения, тянущейся вдоль всего Периметра, поднимался густой, кристально белый туман. Эта пелена накрывала Зону, словно огромный снежный купол, сливаясь в небе с облаками и срываясь длинными молочными рукавами по ветру.

Игорю приходилось видеть фотографии Зоны со спутника. В зимний период она напоминала огромный набухший волдырь, вздымающийся совсем рядом с кажущимся маленьким и беззащитным провинциальным Искитимом. Сами собой в памяти всплывали слова, услышанные Игорем еще в детстве о том, что земля Зоны – она вовсе и не Земля. Кажется, это сказал герой какого-то развлекательного фильма.

Сейчас Фомину было не до развлечений. Настроение припоганейшее, раздражающе болел разбитый нос. И в карманах вместо долгожданного хабара кукиш с маслом. Точнее, даже без масла. Обычный сухой кукиш.

Игорь поднял взгляд на идущего перед ним Грифа. У старого сталкера даже походка казалась бодрее, чем обычно. Ишь, лыбится, как рваный тапок. Еще бы, у него в рюкзачочке вон выпирают спасенные от «зеленки» артефакты. Два из них так себе, дешевки, но вот один, похожий на скрипичный ключ, его Гриф, не торгуясь, сможет загнать очень хорошо. Гораздо больше, чем получил бы от сделки с Игорем.

Пока одни спасают артефакты, другие спасают людей. И кто из них дурак, надо еще подумать.

Фомин невесело ухмыльнулся, качая головой.

Это что ж выходит, он заплатил Грифу за услуги проводника, пообещал процент с продажи «ежика», а вышло, что это как раз старый сталкер остался в наваре, а работодатель, то есть собственно Игорь, идет и считает соринки в пустом кармане?

– Ну и сука же ты, Ряба, – не удержался от возгласа удрученный Фомин.

Валера, идущий за ним, обиженно ответил:

– Я же извинился, Игорян!

– А-а, – Игорь беспомощно отмахнулся.

Что с него взять, с Рябы? Он не виноват, мог попасться любой. Но, черт, как же не вовремя все это!

– Пузырь, ты там как, живой? – обратился к Рябину обернувшийся через плечо Гриф.

– Живой, – Ряба похлопал себя по груди. – Что со мной случится?

– Это хорошо, – взгляд выцветших глаз прыгнул на лицо Игоря с опухшим носом, губы сталкера раздвинулись в улыбке. – Ну и рожа у тебя, Шарапов.

И отвернулся, бормоча что-то веселое под нос. А Игорь с пугающим наслаждением принялся прикидывать, как бы лучше задавить этого хохмача, куда бы садануть кирпичом или что бы покрепче сдавить, до хруста и бульканья. Только один черт, все это фантазии. Он еще не опустился до того уровня, чтобы убивать людей за вземные побрякушки. В Зоне такое случалось сплошь и рядом, но Игорь надеялся, что сможет прожить не запятив кровью руки и совесть. Слишком часто он видел, во что превращаются те, кто полностью отпустил поводья и с головой окунулся в этот опасный бизнес.

Да и, поди, шило у Грифа за голенищем сапога. Старое, погнутое, с потертой деревянной ручкой. И работает этим шилом Гриф очень быстро и больно.

Стена тумана нависла над людьми, уходя ввысь и в стороны, сливаясь с таким же белесым небом. Под ногами началась привычная и относительно безопасная тропа, бегущая по дну

канавы и скрытая от посторонних глаз высокой крапивой. Вон уже и торчащий из земли кривой железный прут с привязанным грязным носовым платком. Значит, почти все, почти пришли. Вернулись в полном составе, целыми и здоровыми...

Тьфу-тьфу! Откуда такие мысли? Ну-ка, брось! Не говори гоп, покуда забор не перелез! Вот окажешься по ту сторону, тогда и расслабиться можно будет. А то вон то, что от Кислого осталось, лежит в сторонке, возле порванной колючки. Тоже небось расслабился, размечтался.

От земли поднимался прозрачный пар, сплетался в легкие языки тумана. Чем больше они приближались к Периметру, тем туман становился гуще, местность тонула в белесой пелене, люди и предметы теряли четкие очертания.

– Внимательно, – скорее по привычке, чем из желания предупредить о возможной опасности, сказал Гриф. – Держитесь меня.

И первым пошагал по голой полосе земли с табличками «Осторожно, мины!». За ним, ступая ровно туда, куда ступал сталкер, затрусил Ряба.

А Игорь, который лучше некоторых знал все неписанные правила и законы, без стеснения сделал то, за что, увидь его поступок Гриф, быть бы ему битым.

Он остановился и оглянулся на Зону, зарастающую сходящимся туманом. Вгляделся в нее внимательно, словно запоминая заросшую и обманчиво безмятежную внешность. Пригрозил ей пальцем, ощущая легкий холодок между лопаток, и поспешил догонять своих.

Оборачиваться, выходя из Зоны, – к неудаче. Но Фомин считал, что имеет право на это маленькое хулиганство.

Потому что Зона ему задолжала. И, шагнув в туман, он хотел думать, что Зона тоже об этом не забыла.

Стена проявилась как рисунок на фотографии, выплывая из белого мира черной расширяющейся полосой. Вот и пролом в бетонном заборе, заваленный невесть откуда притащенным деревянным поддоном и накрытый полусгнившей фуфайкой с торчащей из дыр ватой. Пролом небольшой, как раз чтобы на карачках проползти. А больше, в общем-то, и не надо.

– Тпру, – прошлепал губами Гриф. – Тут и переоденемся. Ряба, пошеруди пакет. Игорян, освободи пока нам дверку в грешный людской мир.

– Тебе надо – ты и освобождай, – буркнул Фомин, понимая, насколько глупо это звучит. Он просто не любил, когда им командовали люди, которым он же и платил деньги.

Но сталкер не обиделся. Он сейчас вообще, похоже, не хотел портить себе хорошее настроение. Гриф лишь пожал плечами, крикнул, приподнимая поддон, и, надув щеки, перетащил его в сторону.

По ту сторону дыры, за забором, лежал утоптаный снег, сквозь который пробилась голая ветка поломанного куста. По ту сторону дыры было семнадцать градусов мороза.

Валера вытащил за веревку связанные друг с другом объемные пакеты, в которых осталась храниться зимняя одежда. По первости Игорь не переодевался, разгуливая по Зоне в теплой куртке, но быстро понял свою ошибку – под летним солнцем было невыносимо жарко, неудобно. Одежда быстро пропитывалась потом, и приходилось ее сушить, чтобы не заработать воспаление легких по возвращении домой.

Стоящие по колено в сочной зеленой траве, они наряжались в свитера и натягивали вязаные шапки. Фомин влез в свой старый армейский бушлат, сунул ноги в громоздкие меховые унты. Закинул за спину пустой рюкзак и первым полез в пролом, стараясь не разодрать одежду о торчащие из забора края железной конструкции.

В лицо дыхнула зима, бросив в глаза жесткую поземку. Колючий снег ожег ладони холодом, кожа миглом онемела. Родная сторона встречала возвращающихся сталкеров как всегда грубо и без сантиментов.

Не успел Фомин подняться на ноги, как его толкнул вылезавший Ряба. За ним, привычно матерясь вполголоса, из пролома появился Гриф.

– Патруля не видно? – не успев подняться, спросил он.
– Сейчас пересменка, – ответил Игорь, взглянув на часы. – У нас коридор в полчаса.
– Ну а чего тогда сиськи мне? – Сталкер разогнулся и болезненно поморщился, держась за поясницу. – Потопали быстрее. И, если что, теперь каждый за себя.

Из тумана выходили дольше, чем хотелось бы, – за несколько часов намело снега, и ноги проваливались в мягкий белый ковер почти по колено. Хорошо еще, что холодный северный ветер нещадно рвал витающую в воздухе пелену и уносил большие куски с собой, открывая ландшафт.

Миновав неработающую сигнальную систему, сталкеры выбрались к внешнему краю полосы отчуждения. Здесь Гриф заметил свежие следы от лыж снегоходов, которые мог оставить только ооновский патруль. Это означало, что военные вновь поменяли график смены постов. Но до ближайших построек у заброшенного известнякового карьера осталось всего ничего, и маршрут менять не стали.

Несмотря на все неудобства, зимний туман был для нелегалов скорее другом, чем врагом. Система охраны была довольно тонко размазана по всему Периметру, в ней хватало брешей и дыр, и власти не успевали наглухо перекрывать доступ к расползающейся Зоне. Однако любителей незаконно пожить дорогим инопланетным хабаром все равно держали в постоянном тонусе. Из года в год «голубые каски», обеспечивающие безопасность Периметра и полосы отчуждения, матерели и набирались опыта, изучая повадки и уловки сталкеров. Мало того, подразделения миротворцев периодически подвергались ротации – покладистых и створчивых братьев-славян, с которыми удавалось наладить контакт, враз могли сменить суровые нордические парни из бундесвера, с которыми общий язык хрен найдешь. И беззаботный сталкер, считающий, что все «на мази», винтился на месте, жестко и быстро.

Помимо военных осложняли жизнь и технические новшества. Тут и там повешали небольших камер, которые не сразу и заметишь. Хорошо еще, если на запись лицо не попадет, которое потом на всех ориентировках будет красоваться, так вышлют на перехват группу быстрого реагирования, которая с завидным упорством примется гонять тебя по лесам и весям. А это ой как нехорошо для репутации и вообще опасно для здоровья, как душевного, так и физического.

Потому, когда последний рукав тумана растаял за спиной, а впереди показалось серое блочное здание управляющего карьером, Фомин ощутил легкий дискомфорт, будто во время дождя зонтик убрали.

Игорь еще помнил времена, когда местный оптимист-предприниматель пытался восстановить работу на сланцевых и известняковых карьерах, которыми так славился Искитим. Тогда Зона была еще далеко и никто не мог представить, что в один прекрасный день территория так называемого «инопланетного пришествия» разом скакнет во все стороны на несколько километров. Однако проблем у новоявленных старателей и без взвешенной угрозы хватало – до них, как и до всего прочего в те лихие времена, добрались местные бандюки, попытавшиеся обложить данью работяг. Начальник карьера оказался крутым мужиком и, по слухам, велел утопить приехавших опричников прямо в заброшенном водоотстойнике. В итоге произошла короткая, но кровавая драма с пальбой, поножовщиной и иными атрибутами того времени, после чего бандиты лишились десятка своих бойцов, а полезные ископаемые – хозяина.

За заброшенной коробкой управы застыл ржавый шагающий экскаватор, уткнувшись в серое небо красно-черной стрелой, чуть дальше виднелись длинные технические боксы, рядом – высокое здание камнедробилки с длинной лентой транспортера и подъездными пандусами. В десятке метров правее, обрамленный редкими ресницами из корявых деревьев, начинался ступенчатый спуск в сам карьер, огромный и глубокий. Там, на дне, вмерзнув в лед мелкого болотца, бугрились горбатые фигуры огромных самосвалов.

Шагать по снегу было утомительно. Несмотря на мороз и ветер, Игорь изрядно взмок, ощущая, как неприятно липнет к спине футболка. Идущий рядом Ряба поминутно отдувался, приподнимая край шапки и вытирая варежкой красный мокрый лоб. Лишь Грифу, казалось, все было нипочем, старый сталкер двигался с размеренностью метронома, иногда подкидывая на плечах набитый рюкзак.

Словно почувствовав взгляд Фомина, Гриф обернулся и спросил:

– Мотор на секретке?

– Да, – ответил Фомин. – Ключ не нужен.

– Это хорошо. Что за секретка?

Игорь лишь ухмыльнулся. Щас, ага, так он и скажет этому жулику как заводится спрятанный в камнедробилке снегоход. Дураков нет.

– Ну-ну, – не дождавшись ответа, прищурился Гриф и добавил: – Не доверяешь?

– Нет, – не стал врать Игорь.

– Пра-а-ильно, – протянул сталкер. – Доверять – шею подставлять. Не подставляй шею, малой, дольше проживешь.

Фомин не успел ничего буркнуть в ответ на банальность. Они как раз прошли здание управы с разбитыми окнами и черными разводами копоти на стенах, когда с душераздирающим скрипом распахнулась дверь подсобки ближайшего бокса и из темноты вышел жующий человек в дутом камуфлированном костюме «под снег» и вязаном подшлемнике, закатанном на манер шапки. Смуглое лицо с узкими черным усиками, «нерусские» черты лица, за спиной – короткий карабин и загнутая дуга антенны радиостанции. На рукаве – ооновский флаг, в руке – обертка с надкусанным шоколадным батончиком.

Патрульный! Да еще испанец или француз – с таким не договориться по-хорошему!

Военный вышел и замер, наткнувшись взглядом на остановившуюся тройцу. Застыли и сталкеры, опешившие от такой встречи. Миг продолжались безмолвные «гляделки».

– Опачки, – выдавил Гриф.

– Стоп на месте! Руки за голову! – истошно заорал ооновец с ярко выраженным акцентом. Рывком сдернул оружие на грудь.

Прежде чем на снег упала оброненная им шоколадка, Игорь, Ряба и Гриф прыснули в разные стороны.

Подгоняемый адреналином, Фомин пробежал по своим же следам и свернул за спасительный угол управы. Не останавливаясь, побежал вдоль постройки, обходя место встречи с ооновцем, пригибаясь, промчался за смерзшейся горой дробленого камня. Успел увидеть, как Ряба большими тяжелыми прыжками несется в сторону карьера. За ним, размахивая оружием, бежал военный.

Валера, дурак, там же спрятаться некуда! А где Гриф? Он словно сквозь землю провалился!

До него донеслись гортанные крики патрульного, злое шипение рации, выплевывающей хриплые фразы. Где-то совсем рядом взревел мотор армейского квадроцикла – тяжелый, басовитый. Звук завибрировал между пустыми постройками. В другое время Фомин не выдержал бы и рванул обратно, к спасительному туману. Но сейчас он уже не тот сопляк, что вышел первый раз на тропу, теперь он способен думать и принимать решения. Нужно добраться до своего снегохода...

Игорь почти добежал до первого технического бокса, над которым нависала громадина камнедробилки, как до боли знакомо рыкнуло, кашлянуло и затарахтело, монотонно и сыто.

– Сволочь! – успел крикнуть Игорь, как мимо него, чуть не сбив с ног, пронесся Гриф. Его худая фигура пригибалась к рулю небольшого снегохода с кисточкой под сиденьем, который тянул притороченные сани.

Фомина обдало волной снега, хлестнув по глазам. Пока парень, шурясь и матерясь, возвращал себе зрение, старый сталкер лихо заложил вираж и скрылся за деревьями.

– Аргх! – Игорь в бессильной злобе ударил по земле.

Этот гоблин угнал его Барсика!

– Стоп, aborto!¹

Чья-то огромная пятерня обрушилась сверху, хватая за ворот. Фомин рванулся, жалобно затрещала рвущаяся ткань бушлата. Но парень высвободился и с низкого старта побежал в сторону камнедробилки, через плечо бросив взгляд на торчащего из окна военного с куском лохматого воротника в пятерне.

Со стороны карьера донесся выстрел. Игорь понадеялся, что это предупредительный в воздух, а не на поражение по улепетьявающему Рябе. Впрочем, о нем будем думать во вторую очередь, сейчас самому бы ноги унести.

А с потерей снегохода это виделось проблемой. Хорошо еще, что он в свое время озаботился планом Б.

Тяжело дыша, Фомин добежал до массивной стены цеха, оглянулся, выругался и вновь побежал – миротворец, отдуваясь, настигал его. Чуть не падая, влетел под своды камнедробильной мастерской, уткнулся в огромный самосвал с выбитыми стеклами, оттолкнулся и свернул за высокие металлические корыта с массивными ушками. Эхо его шагов, как и частое дыхание, разносилось под высокими сводами, отражаясь от застывших механизмов. Секундой позже его перекрыл грохот ботинок патрульного, бряцанье амуниции и громкий крик:

– Коля, слева заходи!

Черт! Какой еще Коля? Вот засада!

Игорю пришлось резко забрать вправо, когда в спасительном дверном проеме внезапно показалась массивная фигура второго ооновца. Из-под подошв полетел замерзший керамзит, пришлось ухватиться за ржавый уголок стальной конструкции, поддерживающий короб обросшей пылевой бахромой дробилки.

Фомина загоняли как зайца, с гиканьем и азартом. Он чудом уходил от военных, затравленно мечась по цеху. Бушлат съехал на сторону, унты то и дело норовили слететь с ног, а бесполезный рюкзак стучал по пояснице, но Игорь и не думал сдаваться. Вот только никак не удавалось выскользнуть из ставшего ловушкой здания. Как только Фомин бросался к выходу, его маневр предугадывали и пресекали. Хорошо еще, что решили брать живым, а может, просто боялись рикошета.

Когда в очередной раз рука преследователя царапнула по плечу, тщетно пытаясь схватить, Игорь понял, что больше так продолжаться не может. Ноги уже начинали наливаться свинцом, колени дрожали, глаза разъедал пот, и перед нимиплыли разноцветные круги. Еще чуть-чуть – и все будет кончено. Ведь надо всего-то выбраться наружу! Да лесочком до железки! А там... Эх!

Что придумать? Что?

Решетчатая конструкция транспортера выросла впереди словно по волшебству. Шальная мысль мелькнула и пропала, но тело словно само сообразило как быть. Фомин прыгнул на металлическую перекладину, подтянулся, забросил ногу, прыгнул выше...

– Стой! – Внизу щелкнул предохранитель карабина.

Старая ферма из стальных уголков ходила ходуном, казалось, что вот-вот развалится, разломится, рухнет и похоронит под острыми обломками отчаянно карабкающегося человека. Но Игорю было не до фантазий, он хватался, сдирая кожу, за покрытые ржавчиной перекладины, бился коленями о металл, шипел, но лез вверх. Не сразу сообразил, когда что-то оглушительно бахнуло и что-то просвистело над головой.

¹ Урод, ублюдок – пер. с испанского.

В ленту транспортера он вцепился как в родную. Оттолкнулся, подтянулся и втащил себя на широкое полотно, пачкаясь о рыжую пыль. Бросил по сторонам ошалелый взгляд. С высоты третьего этажа открывался контрастный черно-белый мир, от которого тянуло холодом. Внизу метались военные, выкрикивая угрозы, а вдалеке, за пределами стен камнедробильного цеха, уходило в землю глубокое блюдо карьера с торчащим пальцем экскаватора.

А чуть левее, отсюда не видно, лесок. И план Б, если ничего не изменилось.

– Спускайся, скотина! – обиженно крикнули снизу.

– Идите в жопу! – смело откликнулся Игорь, но на последнем слоге один из роликов транспортера, на котором стояла нога, неожиданно пришел в движение. Фомин поперхнулся, замахал руками, пытаясь удержать равновесие, плюхнулся на задницу и стремительно поехал вниз, словно саночник с горы. Заорал от страха, боясь слететь с края ленты. Его закрутило, вынесло наружу, скоростным экспрессом понесло вперед и вниз. Мир закрутился, встал на дыбы, потом транспортер резко кончился, наступил краткий миг свободного полета... Хлесткий удар по лицу, словно когтистой лапой мазанули поперек, что-то упругое сломалось под тяжелым телом, вокруг хруст, шелест падающего снега. Спиной упал на что-то мягкое, и все закончилось.

– Твою ж... налево, – мученически простонал Фомин, но разлеживаться было некогда. Не до конца осознавая, насколько же ему повезло, парень полез прочь из ельника, в который прилетел.

Судя по всему, не ожидающие подобной выходки патрульные на какое-то время потеряли Игоря из виду. По крайней мере он слышал их крики, рев катающегося квадроцикла, но звуки оставались за спиной не приближаясь. Впрочем, не стоило обольщаться, рано или поздно ооновцы возьмут след.

Но, черт возьми, куда делся Ряба?

Проломившись сквозь обледеневший орешник, Игорь позволил себе пару секунд отдышаться, после чего заставил свое желающее упасть в мягкий снег тело совершить последний рывок. Выскочив из кустов, он забрался на невысокую насыпь. Облокотился о торчащие деревянные столбы с полосатой поперечиной, перевел дух.

Где-то, совсем недалеко, захрустели ломающиеся ветки. Долетели встревоженные голоса. Они идут!

Фомин отлепился от столба и как можно быстрее пошел к высокому сугробу, ощущая под ногами железные горбы рельсов. Нагнулся, подцепил еле заметный кусок выцветшего брезента, ощущая под пальцами задубевшую фактуру ткани, и с усилием оттащил полог в сторону. С шумом съехал снег, брезент захрустел и покатился вниз по склону Игорь удовлетворенно выдохнул и позволил потрескавшимся от мороза губам растянуться в улыбке.

Перед ним предстала старая дрезина с рычажным механизмом. На деревянных и стальных деталях серебрился иней, над белоснежным настом торчали полумесяцы колес, в помосте не хватало пары досок.

– Выноси, родная! – с чувством произнес Фомин, крякнул и попытался столкнуть дрезину с места.

Голоса патрульных приближались, явственно слышались отдельные слова. Судя по этим словам, ооновцы были очень злы.

А проклятая дрезина не сдвинулась с места ни на сантиметр! Колеса примерзли к стальному полотну.

– Давай! – сдавленно просипел Фомин, налегая грудью на тяжелую тележку и упираясь в разъезжающийся снег. Чуть не упал, вновь надавил плечом, попробовал раскатать.

Дрезина скрипела, но сопротивлялась.

Тогда Игорь решил прибегнуть к последнему методу. Напряженно вслушиваясь в приближающиеся звуки преследования, он встал напротив первого колеса и растянул ширинку.

* * *

Только в кино сталкеры, выйдя из Зоны, тут же бросаются с целыми баулами хабара к ближайшему торговцу, сидящему в некоем подобии скобяной лавки и практически в открытую скупающему инопланетную дрянь. В жизни все не так. От Зоны нужно отойти, отмыться, отлежаться. Вернувшихся всегда видно, они чем-то отличаются от окружающих. Какой-то апатичной усталостью, излишней дерганостью и раздражительностью. Затравленностью во взгляде. Через несколько часов подавленность проходит, возвращается «человеческий» вид. «Тень Зоны» отпускает, если говорить поэтическим языком. Если говорить языком сталкеров – пропадает перегруз.

Некоторые предпочитают пересидеть перегруз до прихода в Искитим, отсыпаясь пару часов где-нибудь в кустах. Некоторые возвращаются исключительно ночью, стараясь избегать ненужных глаз. Некоторые умудряются проскользнуть и днем, обводя вокруг носа и своих, и всевидящих комитетских стукачей. Однако в городе все равно все знают, кто занимается собирательством внеземных объектов, кто барыжит, кто крышует. Чего уж, каждый пацан знал, где живет и как выглядит Бенья Вездеход, какие известные артефакты нашел Лёха Ползуба, чем занимаются ребята Роди Волчка.

Мало знать, а ты поймай!

Подобный принцип совсем не подходил Игорю. Он старался, чтобы и не поймали, и никто не узнал о его нелегальном заработке. Особенно домашние. Причем дело было не только в страхе перед неприятными разговорами и материнскими слезами, а еще и в том, что дома обитает тот, кому вообще не нужно знать сколько и на что зарабатывает Фомин.

Дома обитал отчим.

Игорь бросил дрезину недалеко от «карантинки» – окраинного района Чернореченского, пустующего с начала девяностых. После неожиданного расширения территории Посещения жителей отсюда в спешном порядке переселили в другие районы Искитима, самым удачливым достались квартиры в Новосибирске. Долгое время сюда вообще опасались ходить, боялись неведомой инопланетной чумы, а потом привыкли, успокоились. До сих пор были популярны страшилки о всяких ужасных чудовищах, вылезших из Зоны и забравшихся в подвалы заброшенных домов, о ночных криках и странных звуках.

Детским сказкам Игорь давно уже не верил. Нет в Зоне монстров, кроме разве что мифических шатунов. И ночами тут воют разве что осатаневшие наркоманы да сбрендившие уфологи. Фомин уже пару лет ходил через «карантинку» на работу, как и десяток других горожан, и ничего загадочного и мистического до сих пор не встречал. Вот и сейчас, переодевшись в засаленную робу и старенькую дубленку, нахлобучив лохматую собачью шапку, Игорь, оставив пустой рюкзак и влажную одежду в тайнике, тяжело шагал по узкой пустой улочке. Встреть его кто из знакомых, то удивились бы, насколько устало выглядел Игорь. Впрочем, неудивительно – работа на железке тяжела и однообразна.

И вряд ли кто подумает, что он, Игорь Фомин, сцепщик вагонов товарного перегона Искитим – Черепанове, валится с ног не от трудовой усталости, а от того, что у него сталкерский перегруз. По крайней мере Игорь рассчитывал именно на это.

До родного квартала Фомин добрался уже затемно, влившись в вечерний поток идущих по своим делам горожан. Заскочил в продуктовый, купил кефир, полпалки вареной колбасы и буханку черного. Не удержавшись, впился в хлеб прямо на ходу, отрывая зубами тугую корку и сочно жуя мякиш. В животе заурчало – молодой организм требовал еще и побольше.

Свернув с Комсомольской на Коротеева, углубился во дворы, освещенные теплым светом из окон квартир. Здесь размеренно шла вечерняя жизнь – кто-то гулял с собакой, кто-то

чистил снег возле машины. Пара ребят висела на турнике, а возле темного подъезда небольшая компашка курила, смеялась и мусорила семечками.

Здесь блочные дома комфортно соседствовали с частным сектором, объятые общим лабиринтом из гаражей и «холодных» сараев-кладовых. Игорь знал тут каждый закуток, каждый кустик, каждую тропинку. Здесь любой прохожий – знакомый, сосед или товарищ. Здесь все являлось частью его истории, все несло печать воспоминаний.

А как еще может быть у того, кто вырос во дворе, а не в социальных сетях?

Выйдя на свою улочку, Игорь помахал стоявшим возле ларька ребятам. Завидев его, один свистнул, привлекая внимание, и легкой трусцой побежал в сторону остановившегося Фомина. Приблизившись, перешел на шаг и с размаху протянул растопыренную пятерню.

– Здорово, Игорь!

– Здорово, Сява, – ответил на рукопожатие Игорь.

Сява был почти на десять лет младше Фомина, но дворовые правила всех уравнивали в возрасте. Отчества были как-то не в ходу, а иное обращение нужно было еще заслужить. К примеру, вечно пьяного пенсионера-сантехника звали просто Вованом, невзирая на седины и трех внуков. А вот угрюмого автомастера из дома напротив – дядя Андрей, несмотря на еле еле стукнувшее сорокалетие. Потому как он не просто Андрей, а уважаемый человек.

У Игоря и у Сявы со товарищами были отношения старших и младших братьев, хотя никто никому родственником не приходился. Но тот же Сява знал – когда его, сопливого Славика Савакина, мама выводила поиграть в песочницу, Фомин со своими ровесниками уже держали авторитет двора перед всем районом, а то и перед соседними, если было нужно. И истории тут вертелись всякие разные, ставшие теперь местными байками. И своих никто никогда не сдавал, и за своих всегда рубились до конца. И молодых в обиду не давали, учили уму-разуму, да сами не злоупотребляли правами старших.

Несмотря на то что Игорь, как и многие его сверстники, давно уже отошел от дворовой жизни, закрутился в бытовухе и семейных проблемах, его помнили и уважали, к нему прислушивались и старались быть в чем-то похожими.

На том и держался весь микромир насквозь криминализированного, задышающегося от надвигающейся Зоны городка.

Игорь отпустил тонкую руку подростка и спросил:

– Как сам?

– Ништяк, все путем. Буду мопед брать на днях. «Ямаху».

– О, круто, – оценил новость Фомин. – Новый?

– Да не, батин друган из цеха продает. Там подкрутить надо будет по мелочи. Ерунда.

– Обращайся если что, – кивнул Игорь. – Батя-то все бухает?

– Завязал, – самодовольно усмехнулся Сява. – Мы его с матерью отвезли кое-куда. Заторпедили. Сказали, что если надумает хоть сто грамм на грудь принять, то пусть сразу в чистое одевается, чтобы мороки в морге было меньше.

– А где торпеду вшивали?

– Да Ганя подсказал. У него там дядю кодировали.

– Так где?

Сява замялся, но ответил:

– У Цыгана, на Котовского.

Игорь, не сдержавшись, выругался.

– Ну на хрена? – покачал он головой, глядя в упор на опустившего голову Сяву. – «Булавку» вшивали?

Пацан кивнул, вытаскивая из кармана пачку сигарет.

Фомин цыкнул зубом и еще раз выругался.

Цыган был «черным» доктором широкого профиля, да еще торгующим всякой фармакологической ерундой. Он не задавал лишних вопросов, брал дешево и держал язык за зубами. В ходу у него были и вземные объекты, обладающие всякими лечебными свойствами. С тех пор как открыли свойство одного из артефактов начисто извлекать спирт из крови, «одаривая» носителя тошнотой и поносом, маленькую черную кляксу-«булавку» Цыган стал загонять под кожу всем желающим. Только вот работал он грубо, артефакты часто были поломанные или неработающие.

– Ты бы сказал, я бы тебя свел с кем нужно, – с укором произнес Игорь.

– Ладно, проехали, – Сява поспешил уйти от неприятной темы, чувствуя, что лоханулся. – Все будет норм. Я к тебе вот чего – тебя рэкссы ищут.

Игорь озадаченно хмыкнул в ответ. Рэксами именовали сотрудников службы безопасности Института вземных культур. В принципе их власть не распространялась дальше институтских стен, но создавать проблемы за пределами МИВК они умели. И если у тебя рыльце в пушку, то связываться с ними не стоит.

Игорь до этого момента считал, что довольно успешно скрывает свои нелегальные делишки. Поэтому новость о том, что его ищут рэкссы, несколько ошарашила парня.

– Давно искали? Куда поехали? – наконец он задал нужные вопросы.

– Минут двадцать как, два здоровых амбала на институтском джипе. Уехали туда, – Сява махнул рукой в сторону дальнего края района. – К твоим не заезжали, я специально смотрел.

– Спрашивали чего? – Фомину резко стало неуютно, он зябко заводил плечами и заозирался, выискивая черный внедорожник с эмблемой МИВКа.

– Тебя спрашивали, где сам, как найти, телефон.

– А вы?

– Обижаешь, Игорь, – нахмурился Сява. – Сказали, что ты давно уехал в другой район и тут не появляешься.

– Спасибо, молодцы, – от души поблагодарил Игорь.

– Только ты бы пока пересидел вечеров, – посоветовал пацан, затягиваясь. – Мало ли, вернутся или домой завалятся. Им-то на твоего отчима плевать, он им не авторитет.

Фомин лишь кивнул, понимая, что так и поступит. В принципе, у рэкссов на него ничего серьезного быть не могло. Ну не могли же они его искать за драку в институтском квартале или за покупку карты Зоны у одного из лаборантов. Игорь, конечно, прощупывал возможности выхода на научные склады с оборудованием и сбыта артефактов ученым, но все было на стадии пространственных разговоров, без конкретики.

Но все же зачем-то рэкссы вылезли за пределы своих владений? Зачем-то же Игорь им понадобился? Понять бы зачем.

Но все потом. А пока надо переждать.

– Спасибо, братка, – Фомин пожал руку сразу же сделавшемуся важным парню. – С меня причитается.

– Забей, – благодушно откликнулся Сява. – От души.

Они попрощались, и каждый поспешил в свою сторону – Сява к замерзшим парням у ларька, Игорь – прочь от дома. Темной стороной вышел со двора, нахлобучив шапку поглубже, и потопал в сторону недавно открывшегося кабака «Саманта Смит». На ходу набрал задубевшими пальцами номер на телефоне, прижал холодный пластик к уху.

Ждать пришлось недолго.

– Алле, сынок? – раздался в динамике голос матери.

– Да, мам, это я. Слушай, я тут задержусь, нужно мужикам помочь.

– Ты же и так с суток...

– Ну надо, мама, что поделать. Так что не жди, ложись спать. Все, пока.

– До свидания. Будь там осторожен...

Фомин торопливо кивнул, скинул вызов и набрал другой контакт – «Чесноков Гоша». Поменял ухо, прижимая телефон воротником. Но ответа так и не дождался, длинные гудки сменились сообщением оператора о занятости абонента.

– Чеснок, Чеснок, – пробормотал Игорь. – Надеюсь, ты там, где я думаю.

Собравшись было убрать телефон, в последний момент передумал и позвонил Рябе. Но тщетно – абонент был вне действия сети, что могло вывести нить размышлений на всевозможные варианты нахождения Валеры, но Фомин решил не гадать. Даже если Рябинин смог сбегать от военных и вернуться в город, то лег на дно и отключился от всех контактов. А значит, раньше утра до него не достучаться.

Под ногами сухо хрустел снег, щеки и нос онемели от холода. С наступлением вечера по улицам заскользил пронизывающий ветер, он настырно лез под одежду и, казалось, каким-то образом усиливался в безлюдных и неосвещенных подворотнях. Фомин инстинктивно прибавил шаг, ныряя в неуютную темноту, втянул голову в плечи и засунул руки поглубже в карманы.

Оставив позади дворы спального района, Игорь вышел на узкую улицу, по которой замерзшими коровами медленно тащились припорошенные снегом машины. Он легкой трусцой перебежал дорогу и, свернув за угол, остановился под красным неоновым названием «Саманта Смит». Оббил снег с унт, разглядывая освещенную яркими желтыми фонарями дверь, стянул лохматую шапку и решительно вошел внутрь.

Как-то так сложилось, что в Искитиме прижилось такое практически вымершее в крупных городах явление, как кабак. Причиной ли тому большое количество стекающих в город авантюристов и преступников либо просто отсутствие иных возможностей развлечься, а скорее и то и другое, но заведения, сочетающие в себе бар, недорогую кухню и игорное заведение, вошли в моду. «Саманта Смит» был уже вторым кабаком, открывшимся в Центральном районе, но дефицита в посетителях он не испытывал, даже приобрел постоянных клиентов.

Волосы Игоря приятно взъерошило легким напором тепловой завесы, отсекая холодный уличный воздух. До слуха донеслась приглушенная музыка, нос приятно защекотали ароматы с кухни. Желудок тут же требовательно заурчал.

– Здравствуйте, – раздался женский голос. – Добро пожаловать в «Саманту Смит».

– Привет, Марина, – откликнулся Фомин, поворачиваясь к вышедшей из-за стойки раздевалки девушке. – Не узнала?

– Ой, привет, Игорь. Да, не узнала, богатым будешь. Разденешься или так, на минутку заскочил?

Марина, чуть полноватая девушка с крупными чертами лица, из-за которых ее вряд ли можно было назвать привлекательной, подрабатывала здесь по вечерам, после учебы в техникуме. Здесь же работал охранником ее брат, некогда чемпион района по боксу, а теперь просто здоровый мужик с пудовыми кулаками, любящий иной раз хорошо заложить за воротник и зацепиться с непонравившимся клиентом.

Игорь скинул бушлат, засунул в рукав шапку и протянул Марине, улыбаясь.

– Пожалуй, посижу немного, – сказал он, поправляя свитер и ремень джинсов. – Народу много?

– Нормально, – пожала плечами девушка, исчезая в гардеробе. – Твои тут.

– Чеснок?

– Ага. И этот, немец из института.

– Фишер?

– Ага, – вновь утвердительно качнула головой Марина, облокотившись руками о стойку. – Какой-то он сегодня злой.

Фомин окинул себя взглядом в зеркале, скосил глаза на девушку.

– Злой, говоришь? Хм, посмотрим. Ну ладно, не скучай тут.

Он развернулся на каблуках и, толкнув легкие двери, вошел в зал.

«Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко!» – пел из колонок детский хор. Ему вторили звон посуды и несдержанный смех подвыпившей компании.

Хозяин «Саманты Смит» оформил заведение в стиле советской эпохи, который некоторые называли «Привет, совок!». Вдоль стен стояли лакированные массивные серванты «под ольху» с белыми треугольничками узорных салфеток. За стеклами – чешские сервизы и польские чайные наборы с героями мультфильма «Болик и Лелик» на выпуклых гранях. Тут и там висели красные вымпелы с желтой бахромой и портретами Ленина. Надписи золотом гласили: «Лучший пионерский отряд», «За ударный труд!», «Победителю соцсоревнования» и далее в таком же ключе. Тут же, на крышке швейной машинки «Зингер», лежали пионерские горн, барабан и завязанный алый галстук. Барную стойку стилизовали под длинный стол для совещаний с покрытием из бордового сукна. Спиртное бармен доставал из пузатого холодильника «ЗИЛ» с огромной хромированной ручкой. Над холодильником, за стеклом, висела большая черно-белая фотография улыбающейся девочки, стоявшей в окружении загорелых пионеров, – та самая Саманта Смит, гостившая в «Артеке».

Пройдя мимо небольших столов, освещенных лампами с зелеными абажурами, мимо занятого воркующей парочкой кожаного дивана с потрескавшимися от времени валиками подлокотников, Игорь свернул за угол и потопал вниз по лестнице, погружаясь в вязкий гул голосов.

Здесь было многолюдно. У дальней стены стучали шарами бильярдисты, важно обходя большие «классические» столы и примеряясь для ударов. Чуть ближе, между стойкой и круглыми пивными столиками на длинных ножках, бросали кости склонившиеся над досками игроки в нарды. А напротив входа, под ликами портретов членов политбюро ЦК КПСС, на небольшом возвышении стоял большой стол с витыми ножками, вокруг которого толпились зеваки и клубился ленивыми кольцами сигаретный дым. За столом, наплевав на закон, запрещающий азартные игры, резались в преферанс. Впрочем, хозяин «Саманты» ничем не рисковал – прикомандованная полиция предпочитала не замечать подобные мелочи.

Фомин подошел поближе. Найдя свободное место, посмотрел из-за плеч на картежников.

Играли четверо. Спиной к Игорю, напряженно склонившись над лежащими рубашкой вверх картами, сидел мужик в меховой жилетке поверх клетчатой фланелевой рубашки. Его толстая шея лоснилась от пота, пальцы нервно барабанили по столу. Лица Игорь не видел, но готов был поклясться, что мужик пребывает в мрачном настроении.

По правую руку от игрока в жилетке, подбоченясь, сидел крепкого вида короткостриженный парень в спортивном костюме. Судя по всему, он был за раздающего и теперь ждал конца хода, переводя внимательный взгляд с одного картежника на другого.

Слева пыхтел в усы красномордый здоровяк, неуловимо похожий на игрока в жилетке. На нем тоже была выдавшая виды фланелевая рубашка в крупную клетку, армейские штаны с подтяжками заправлены в теплые сапоги. Он заметно нервничал, то сворачивая, то разворачивая веером свои карты, словно те могли неуловимым образом поменять масть или номинал.

А прямо напротив Фомина со скучающим видом сидел необычный персонаж в кичливой красной рубашке с широким воротом и в черном костюме в тонкую полоску. Он был худ и невысок ростом, с болезненно бледной кожей, сквозь которую проступали тонкие дорожки вен. Но больше всего смущала растительность на лице и голове игрока. Короткая, но густая борода и забранные в хвост на затылке длинные волосы имели неестественный стальной оттенок. Сами волосы казались чересчур тонкими и невесомыми, по ним пробегали волны от малейшего дуновения ветра. Больше всего это напоминало шерсть домашнего ухоженного кота – фактура абсолютно не человеческая. А еще глаза, черные, без зрачков, угольными точкамидвигающиеся из-под полуприкрытых век. Дополняла образ стоящая рядом, на столе, чашка с крышкой-поилкой, похожая на те, из которых поят детей.

Игрок поднял взгляд, и их с Игорем глаза на короткий миг встретились...

– Малой, – с плохо скрываемым раздражением обратился к бородатому парню обладатель жилетки. – Мизер – он фарт не любит. Ты бы попридержал коней при таком-то счете.

Ответом ему была кривая ухмылка в усы и ленивый жест, мол, начинайте заход.

Когда первая карта полетела на сукно, Фомин отошел от стола, разглядывая устроившихся у барной стойки людей. За сизым сигаретным дымом разглядел знакомый острый профиль Эриха Фишера, прошел к нему, заходя сзади.

– Здорово, немчура, – он с размаху хлопнул по худой спине, затянутой в цветастый, с оленями, свитер. Мужчина с копной растрепанных волос цвета пшеницы поперхнулся, отшатнулся и повернул голову, разглядывая Игоря синими, чуть на выкате глазами. Возмущенно сжатые губы разошлись в улыбке.

– Здорово, русак, – ответил мужчина с сильным немецким акцентом. – Как дела?

– Пока не родила, – привычно вырвалось у Игоря.

Он взгромоздился на стул рядом с товарищем, жестами указал бармену на перцовку в объемной граненой бутылке. Внутренний холод требовал чего погорячее, и плавающий в водке перец чили вполне этому соответствовал.

– И на будущее, – вновь обратился он к немцу. – Русак – это заяц.

– О, я не знал. Думал, это как немчура.

– Не, как немчура – это русич.

– Здорово, русич! – тут же подхватился Фишер.

– Здоровее видали, – откликнулся Игорь, устраиваясь поудобнее. – Чего это ты за водочку-то взялся? Да еще и в одиночестве?

Эрих сразу поскущел, его острый нос клюнул в сторону согреваемой в ладонях рюмки.

– Не нашли общего языка с коллегой, – угрюмо сказал он.

У карточного столика раздались изумленные возгласы и смех. Там разыгрывалась некая трагикомедия, и публика благодарно реагировала.

Игорь скосил взгляд через плечо, но тут бармен поставил перед ним стопку с мутной красноватой жидкостью, а также блюдо с двумя дольками вареного яйца под майонезом.

– Комплимент от шеф-повара, – пояснил он и отошел в сторону, влекомый полупьяным зовом с другого конца стойки.

Фомин с явным удовольствием взял стопку, покрутил в пальцах, примеряясь. Обратился к насупившемуся немцу.

– Опять со Шнайдером поцапались? – предположил парень.

И попал в точку, потому как глаза Эриха вспыхнули, из расширившихся ноздрей с шумом вылетел воздух. Он разразился короткой, но режущей слух репликой по-немецки, потом подхватил стопку с водкой и, не поморщившись, опрокинул в себя содержимое. Потом все же перекосился, протирая зажмуренные глаза пальцами и гадливо кривя рот.

Фомин засмеялся, похлопал Фишера по спине, подтолкнул блюдо с яйцами.

– Эк тебя зацепило-то, – сказал Игорь. – Закусывай давай, не кочевряжься. Без закуски водку только полярники пьют.

– Я ученый, – стойко ответил немец.

– И чего с того?

– Полярники – тоже ученые.

– А, ну это многое меняет. Тогда, конечно, бухай и не закусывай. За науку, – Игорь отсалютовал и залпом выпил перцовку. Не успела обжигающая отравка упасть в голодный желудок, как Фомин ощутил, что его прошиб пот, а в груди сделалось жарко-жарко. И даже немного в голову ударило, от чего на долю секунды показалось, словно зал начал растягиваться в стороны.

Игорь моргнул, отер лицо и потянулся к лежащему рядом меню в обложке, стилизованной под красную кожаную папку «К докладу».

У карточного стола вновь стало шумно, кто-то с силой хлопнул рукой по столу и с противным скрежетом отодвинул стул. Игорь краем глаза заметил, как в сторону выхода направился игрок в спортивном костюме, остервенело крутя в руках мобильный телефон. Должно быть, проигрался.

– Понимаешь, Игор, – сокрушенно сказал Фишер. – Этот коза мне прожект режет.

Обычно Эрих старался правильно выговаривать имя Фомина, но сейчас, судя по всему, пребывал в душевном раздрае и не мог себя контролировать. Значит, действительно накатила на него исконно готическая печаль.

– Этот коза – Шнайдер? – все же уточнил Игорь.

На сей раз Эрих ответил, утвердительно кивнув.

И добавил:

– Коза и трус.

Игорь подозвал жестом бармена и сделал заказ. Решил выбрать пельмени, недорогие, но удивительно вкусные, как делали только тут, в «Саманте». Немец повторил стопку водки, но на сей раз Фомин настоял на закуске.

– Рассказывай, – повернулся парень к Фишеру, когда бармен ушел.

– Михаэль – очень перестраховщик, – принялся с жаром объяснять Фишер. – Такой еще с Гейдельберга, где работали вместе. Ну ты же знаком с ним?

– Со Шнайдером? Упаси боже. Зато от тебя о нем так часто слышу, что кажется, будто он мой родственник.

– Nein родственник! – потряс пальцем Эрих. – Он трус, а не ученый!

– Еще и коза к тому же, – подсказал Игорь.

– Не шутка, Игор, – укоризненно нахмурился Эрих. – У меня действительно прогресс в работе. Я так долго идти к этому, не спать, худеть. Я нашел отклик между чужими объектами, между артефактами. Понимаешь? Моя теория верна!

– А Шнайдер при чем?

– Он не пускать меня в Зону! – возмущенно развел руками немец, выпучив и без того навыкате глаза. – Мне необходим опыт в поле, не на стенде. Естественная среда, понимаешь? Это важно!

– А чего он тебя в Зону не пускает? У вас же постоянно выходы проводятся.

– Говорит, опасный эксперимент, риск не оправдывает результат. Говорит, мои цифры нестабильны, – немец щелкнул пальцами, подбирая слова. – Случайны, натянуты. Что отклик артефактов на стенде – обстоятельства, не моя работа. Что нужна проверка, еще и еще. А я уверен – я прав, а без риска не может быть реальной наука.

– Достоинно мыслишь, – похвалил Игорь. – И где только твоя былая германская прагматичность и покорность? Смотри, Эрих, обрусеешь, будешь по березовым рощам шариться в рубашке-косоворотке и предаваться безбрежной славянской лености.

Фишер вяло улыбнулся, но было видно, что ему не до шуток. Игорь вздохнул и пододвинулся поближе. Уже безо всякого ерничества спросил:

– Что хоть за опыт-то такой?

И не прогадал – немец ожил, в глазах появился блеск.

– Опыт по теории Зеро... Марк Зеро, физик, знаешь?

– Слышал.

– Теория Зеро, о дублировании функций, – Фишер глубокомысленно изрек: – «Железо и камень родили огонь».

Игорь промолчал, все же кивнув для приличия. На самом деле он понятия не имел о чем идет речь.

Если Эрих и понял это, то не подал виду.

– Я давно делаю опыт с rote teufel... «красный черт», знаешь?

Тут Фомин закивал активнее – еще бы, как не знать одного из редких артефактов. Именуемый «красным чертом» вземной объект походил на небольшой шарик янтаря с алыми прожилками и выступами, напоминающими рожки. Если «черта» швырнуть о твердую поверхность, то он отскакивает, как каучуковый мяч, рассыпая сноп ярко-красных искр. Скачущего «черта» можно запереть в комнате и прийти за ним даже через несколько дней – артефакт не переставал прыгать, пока его не останавливали.

– При сложных условиях объект давал интересный результат, – продолжил немец. – Но особенный эффект происходил при контакте с другим объектом, с Си-22.

И это Игорь знал.

– «Гремучие салфетки».

– Да, есть так, – немец улыбнулся. – Поразительный и стойкий контакт. Но кратковременный. Я думаю, иные условия надо. Условия Зоны. А Шнайдер уперся, не пускает.

– Этот Шнайдер – он твой начальник?

Эрих издал презрительный возглас, замотал головой.

– Нет, не начальник – куратор лаборатории. Без его голоса не получить допуск в Зону.

– Так иди к начальнику, – посоветовал Игорь. – Объясни ситуацию. Скажи так, мол, и так, перспективное открытие пропадает, а Шнайдер ставит палки в колеса.

Эрих сокрушенно вздохнул, махнул рукой. Появившийся бармен поставил перед ним запотевшую стопку с водкой и сырную нарезку.

– Начальник слушает Шнайдера. У Шнайдера ученая степень высокая, он солнце немецкой науки...

– Светило, – автоматически поправил товарища Фомин, но Фишер этого даже не заметил, продолжил изливать свое горе.

В кармане завибрировал телефон. Игорь нащупал гладкий корпус и выудил аппарат на свет. Прочитал имя на экране, досадливо вздохнул и сбросил вызов. Потом и вовсе отключил телефон, зная что последует дальше.

Альбина не любила, когда ее сбрасывали. И начинала звонить уже ради принципа, чтобы высказать свое негодование. Сейчас Игорю меньше всего хотелось общаться с плодом собственной мимолетной дурости, совершенной не без прямого участия Чеснокова. Удружил, так сказать. Низкий поклон.

– Есть кто в Зону ходит? – сквозь задумчивость уловил Игорь робкий вопрос немецкого ученого.

– Чего? – переспросил он.

– Есть знакомый fuhrer... тот, кто водит в Зону? – Фишер совсем понизил голос, от чего сквозь его русский стали пробиваться немецкие интонации. – Кто сможет отвести за кордон.

– Ты с дуба рухнул! – округлил глаза Игорь. – И думать забудь!

– Но...

– Даже не думай, – отрезал Фомин. – Без крайней нужды в Зону лезть – совсем последнее дело! Уж поверь...

И осекся, потому что Эрих вдруг посмотрел на него странным взглядом, будто сумел уловить в голосе Фомина скрытую информацию.

– Ты ходишь за Периметр? – Брови немца поползли вверх.

Игорь сделал единственное, что могло спасти ситуацию. Он засмеялся, стараясь скрыть фальшь, смахнул с блюда пластик сыра и закинул в рот. Сочно зажевал, глядя товарищу в глаза.

– Куда мне за Периметр, Эрих, – усмехнулся Игорь. – Разве я похож на отчаявшегося человека?

– А знакомые? – Похоже, немец поверил Фомину, но сдаваться не собирался, ухватившись за кажущуюся хорошей идею. – Может, из мафии?

– Ну тебя, – отмахнулся парень. – Это уже не смешно, Эрих. Лучше обрабатывай своего шефа. Или найди способ умаслить Шнайдера. Но – я серьезно – выкинь из головы саму мысль о нелегальном походе за Периметр. И хватит бухать, это, судя по всему, водка тебе в голову ударила...

Фомин отнял у вяло сопротивляющегося немца полупустую стопку, пододвинуло к нему принесенную тарелку с дымящимися пельменями. Фишера действительно повело от спиртного – неизвестно сколько он выпил до прихода Фомина, но сейчас с каждой минутой он все больше «плыл», растекаясь по стойке и стекленея взглядом. Потому Игорь сунул ему в тонкие пальцы вторую вилку и, приказав: «Ешь!» – присоединился к трапезе.

За спиной грохнул улетевший в сторону стул, неодобрительно загудели посетители. Грубый мужской голос пророкотал: «Сука!»

На тарелку с пельменями упала тень прошедшего мимо охранника «Саманты», брата Марины-гардеробщицы. Он на ходу что-то загудел себе под нос, похожее на: «Успокойтесь, пожалуйста». Впрочем, с той же интонацией он мог бы цитировать Мандельштама – слова были всего лишь дежурным мостиком для перехода к более активным действиям и не несли никакой смысловой нагрузки.

Сводящий скулы скрип сдвигаемого по полу тяжелого стола заставил Фомина поморщиться, а нарастающая какофония голосов и звуков – оторваться от еды и повернуться.

Карточная игра пришла к одному из своих логических завершений – плечистый мужик в жилетке удерживал за плечи второго, с красной рожей, которая сейчас и вовсе побагровела. Краснорожий вытянул вперед бычью шею, матерясь и брызгая слюной, его пальцы сжались в кулаки, из которых жалобно торчала порванная карта. Рядом валялся стул, карточный стол оказался сдвинутым в сторону.

Объектом столь яростной реакции оказался третий игрок, странноватый парень в пижонском костюме. Он стоял по другую сторону стола и, казалось, не выказывал ни малейшего испуга, а судя по глазам, так и вовсе посмеивался над незадачливыми картежниками.

Мужик в жилетке заметил подходящего к ним охранника, тотчас сильно одернул своего товарища и примирительно поднял вверх ладони. Сквозь шум Игорь не услышал, что именно сказал игрок, но все было понятно и без слов – они уверены, что бородатый стилиста шулер и выиграл у них нечестно. А значит, они имеют полное право вернуть свои деньги силой.

Охранник склонил голову набок, и его квадратная челюсть задвигалась, вываливая на гостей заведения тяжеловесные аргументы. При этом брат Марины, словно Пизанская башня, медленно наклонялся вперед, будто бы желая обрушиться сверху на разбушевавшуюся парочку. Однако те все поняли, недовольно засопели, подняли стулья и ретировались в сторону барной стойки. До Фомина донесся разговор:

– Твою мать! Тут весь кабак заодно! Хер чего докажешь!

– Не, Володя, ты видел? Кто с таким раскладом на мизер три раза подряд идет?

– Кидала, чистой воды! Я тебе говорю!.. Столько денег просрала, эх!

– Ты его глаза видел? Урод, самый настоящий. Должно быть, мамаша его, шалава, от сталкера эту тлю подцепила...

– Ублюдок, мутант...

Дальше Игорь слушать не стал. Он перехватил за необхватный бицепс проходящего мимо охранника, сунул ему в руку купюру в пятьсот рублей. Негромко сказал:

– Прогуляйся до туалета, лады?

После чего взял в каждую руку по тарелке, из которых они с немцем закусывали, и подошел к ругающимся мужикам.

– Уважаемые, – почти ласково обратился он к ним, привлекая внимание. – Тетя Тамара Чеснокова – не шалава и не проститутка. Тетя Тамара – повар.

И от души вlepил тарелками в наглые морды.

Из небольших колонок пела что-то глупое очередная отечественная поп-звезда. Ее голос периодически тонул в урчании работающего на холостом ходу мотора старенькой «Чайки», припаркованной в полутемном переулке, откуда открывался вид на проспект и стоящий через дорогу супермаркет.

Игорь протянул озябшие руки и передвинул верньер автомобильной печки на максимум. Зашумели вентиляторы, окончательно заглушая слабое пение, сквозь решетки обдувов в салон понесся сухой воздух с ощутимым запахом пыли. В горле моментом запершило, но стало чуть теплее.

– Чего ты не возьмешь новую машину? Ну рухлядь же, право слово! – не выдержал Фомин, лоя пальцами струи воздуха.

– Балбес ты, – беззлобно ответил Чесноков из темноты капюшона. – Это же «Чайка», раритет.

– Не греет твой раритет ни хрена.

– Понимал бы чего. На такой космонавтов возили.

– В минус тридцать? Сомневаюсь.

В ответ кажущаяся в темноте черной фигура в капюшоне лишь больше развалилась на сиденье, устраиваясь поудобнее.

Спорить было бесполезно. Светло-голубая «Чайка» с хромированными блюдцами фар и красными флажками на корпусе была слабостью и гордостью Гоши Чеснокова. Игорь знал, что другу несколько раз предлагали хорошие деньги за машину, но Гоша был непреклонен, говорил, что детские мечты не продаются. Эту машину он собирал по частям несколько лет, буквально по винтику, по кнопочке. Не все детали удалось найти, кое-что пришлось заменить на современное, однако Чеснокова это не сильно расстраивало. В конце концов, цифровая магнитола не сильно хуже аутентичного транзисторного приемника.

– Чего ты с этими дураками сцепился-то? – прервал молчание Игорь, лениво наблюдая за редкими прохожими на улице. Тепло подействовало, и его уставший организм начал проваливаться в сонливую меланхолию.

Гоша скрипнул кожей перчаток и скинул капюшон. В свете фонарей блеснули глаза, такие странные и нечеловеческие. Борода, так похожая на густую шерсть животного, наэлектризовалась, и ворсинки топорщились в разные стороны.

Друг Фомина был дифферентом на второй стадии, и это уже не лечилось.

– Это не я, это они со мной сцепились, – сказал Гоша, безрезультатно отирая бороду и пытаясь привести ее в порядок. – Я им, как нормальным, пару партий сдул, потом чуть выиграл пару раз. Они почти при своих оставались за вычетом четвертей. Но этот, в жилетке, раздухарился. Давай, говорит, если не ссыкло, ставочки на ноль поднимем. И хитро так со своим другом перемигнулся. Типа сейчас разводиться будем. Ну я и вернул их с небес на землю.

– Гоша, три мизера подряд взять! С тобой так скоро за стол никто не сядет. Больно явно палишься.

– Местные и не садятся. А залетным я всегда даю шанс уйти с деньгами на такси, если не наглеют, – Чесноков серьезным тоном высказал свою позицию. – Ты лучше скажи чего сам в кабаке ошивался? Ты ведь из-за «забора» только вернулся?

Игорь не стал отрицать – Гоша был в курсе всех его дел. От друзей Фомин не таился.

– Устал жутко, – пожаловался он. – Патруль мне такой забег устроил, еле ноги унес. Да еще и рэксы зачем-то ищут. Ума не приложу, им-то чем я мог насолить?

– Институтские? – хмыкнул Гоша. – Странно. Попробую разузнать что к чему. А то, хочешь, поехали ко мне, переночуешь.

– В общагу? Нет уж, лучше вы к нам. Да и отчим, боюсь, вопросы начнет задавать. И так, кажется, подозревать что-то начинает.

Чесноков нахмурился.

– Не пора ли уже разобраться с этой ситуацией?

Игорь промолчал, отвернулся к боковому окну.

– Дружище, я на тебя не давлю, – не отступал Гоша. – Но, серьезно, сколько можно уже его терпеть? Разберись по-мужски. Хочешь, я подьеду, прикрою.

– Не надо, я сам, – буркнул Фомин. – Есть у меня пара идей.

Он не любил касаться этой темы. Более того, все, что скажет друг, Игорь уже слышал. Да, проблема есть. Да, ее надо решать. Но не теми методами, что предлагал Гоша. И уж тем более не сегодня, не сейчас. Всему свое время.

И все же Фомин не был уверен до конца, насчет своей осторожности в вопросе отношений с отчимом. Опасался, что путает выжидание со страхом. Это гадкое подозрение терзало его, подленько подтачивало уверенность в собственных силах. Но ничего поделать с собой Игорь не мог. Лишь надеялся, что все это временно и он поймет, когда наступит нужный момент.

– Ладно, – Гоша не сдался, а временно отступил. – Если что, только свистни. Куда тебя сейчас отвезти? Домой? К Альбине?

– Только не к Альбине! – замахал руками Игорь, скорчив испуганную мину. – У меня от ее постоянных истерик уже зубы сводит.

– О как, – хмыкнул Чесноков. – Раньше тебя это не беспокоило.

– Раньше это казалось несколько навязчивыми капризами. Но теперь она научилась быть просто невыносимой. У меня после общения с Альбиной ощущение, будто меня выпили и высушили. Я в Зоне меньше устаю, ей-богу.

– Зато у нее тело...

– Это да, – не смог не согласиться Фомин. – Но как-то уже и не радует.

– Стареешь, Горыныч, – сделал вывод Гоша. – Жениться тебе пора.

– На ком?

– Познакомить?

– Иди ты! Хватит с меня твоих стриптизерш и танцовщиц. Я хочу нормальную девушку, не дуру и не истеричку. Чтобы за нее не было стыдно перед друзьями.

– Чтобы борщ варила?

– Да.

– И у окошка ждала?

– Угу.

– И чтобы теплые носки вязала?

– Почему бы и нет.

– Бабушку тебе надо, Горыныч, – обреченно покачал головой Чесноков. – Я же говорю – стареешь.

Игорь выпучил глаза, не зная чем парировать, а Гоша заливисто, по-детски рассмеялся, упершись головой о дверную стойку. Не выдержал и Фомин, вторя другу.

– Дурак ты, Гоша, и не лечишься, – отсмеявшись, прокомментировал Игорь.

– Лечусь, – привычно ответил друг. – Не помогает. Так куда тебя?

– Давай домой. Остановишь за квартал, я дойду.

– Конспиратор...

У Чеснокова звонко пискнули наручные часы. Он заученным движением вытащил из нагрудного кармана пузырек, высыпал на ладонь две белые гранулы. Взял из подстаканника чашку-поилку и запил таблетки. Игорь терпеливо ждал.

– Твое здоровье, – запоздало отсалютовал ему друг, ставя чашку на место. Он аккуратно промокнул платком губы, морщась, потом опустил ручной тормоз и взялся за руль.

– Поехали.

Машина мягко тронулась, скрипя колесами по схватившемуся морозом снегу. «Чайка» Чеснокова вырулила на улицу и величественно покатила мимо освещенных фонарями сугробов.

- Ты завтра вечером свободен? – не поворачивая головы, спросил Гоша.
- Свободен.
- Подстрахуешь?
- Очередные охотники за артефактами?
- Ага.
- Без вопросов. Во сколько?
- Я позвоню.
- Договорились, – Игорь сладко зевнул. – Надеюсь, рэкссы уже уехали.

Коттедж отчима так и не стал для Игоря родным домом. Он до сих пор с чувством светлой ностальгии проходил мимо старой трехэтажки с желтыми окнами коммуналок. Сколько времени прошло с тех пор, как в жизни их семьи появился невысокий, хромающий мужчина с сухим и скучным голосом, не любящий смотреть при разговоре в глаза? Лет десять? Да, примерно так и есть. Именно это событие Фомин считал вехой, разделившей его жизнь на «до» и «после». Жизнь «до» казалась беззаботной и яркой, вспоминалась как время безвозвратно утерянных безмятежности и счастья, тепла и уюта. Жизнь «после» превратилось в грубое и неприятное нагромождение мрачных событий, горьких переживаний, потерь и болезненных откровений. И хотя сам по себе Шиповалов Александр Сергеевич почти никак не был связан с большинством произошедшего «после», в памяти Игоря именно отчим стал триггером, запустившим их.

Гоша сделал пару лишних кругов по кварталу, удостоверившись, что опасность миновала. После остановился за углом и выпустил друга, сердечно попрощавшись. Не уезжал, пока Фомин не взошел на крыльцо и не исчез за створкой входной двери.

Отец пропал, когда Игорю было десять лет. Но как-то это случилось не разом, не вдруг. Он и раньше мог не появляться по несколько дней, но потом каждый раз приходил, уставший, потухший и тихий. Отсыпался, отъедался, помогая аппетиту рюмкой водки, и становился сам собой, любимым и любящим. А потом, через несколько дней, опять собирался и уходил в ночь, когда Игорь уже спал.

То были сложные года. Друг за другом остановились или закрылись все искитимские заводы и минеральные выработки. На улице оказались сотни людей, среди которых был и отец Фомина. Некоторые начинали нещадно бухать, пропивая последнее, некоторые смогли вырваться из режимного предзона на заработки в Новосибирск, некоторые нашли свое призвание в криминале, бомбя дальнобойщиков на трассе и обирая торгашей.

Но были и те, кто решился пойти ва-банк, разменяв собственную удачу на призрачную возможность сорвать большой куш. Эти полезли в Зону, наплевав на патрули и Уголовный кодекс. И тащили, тащили веземные объекты, продавая их любому, кто даст подходящую цену.

Пусть сейчас стало модным рассматривать события тех лет сквозь призму современной морали, но Игорь не считал, что вправе судить поступки отца. Такие были времена, такие были условия. И если вышло так, то, значит, иначе было нельзя.

Здесь люди поколениями срастались с Зоной, платили ей дань своими жизнями и жизнями детей. Здесь иной раз преступник не отличался от представителя власти. Здесь за каждым окном пряталась личная трагедия, неразрывно связанная с землей по ту сторону охранного Периметра. Здесь Игорь уяснил, что главными ценностями являются семья и друзья. Остальное – пыль и глеч.

Отец Игоря был сталкером. И отец Чеснокова был сталкером. Как и отцы некоторых одноклассников – тоже хаживали за артефактами. Почти все отсидели срок или больше. Почти всех «лизнула» Зона – среди сталкеров найти человека без увечья большая удача. Однако обо всем этом дома редко говорилось вслух, практически никогда об этом не открывали с детьми.

Потом отец не пришел: ни через неделю, ни через месяц – никогда. Он погиб, если быть точным, хотя тело найдено не было. Такое случается, ловушки инопланетян частенько превращали тела людей в нечто неопознаваемое. А спустя два года в жизни Фоминых появился Шиповалов Александр Сергеевич, больше известный как Саша Восток. С тех пор они и стали жить в его коттедже, переехав вместе с нехитрым скарбом.

И как-то сразу у Игоря с отчимом не заладилось. Они невзлюбили друг друга с первых же минут общения. С тех пор эта мрачная вражда тянулась годы и годы, отравляя и без того не слишком веселую жизнь.

Игорь прикрыл за собой дверь, прислушиваясь. Домашние спали. Все два этажа были погружены в темноту и тишину, лишь мерно тикали часы в гостиной. Игорь включил небольшую лампу возле зеркала в прихожей, которая загорелась неярким светом, и, стараясь не шуметь, разделся. С удовлетворением отметил, что дверь комнаты отчима плотно закрыта, а значит, встречи с ним можно избежать. Осмелев, он даже пробрался на кухню, приоткрыл холодильник, отломил себе кусок сырокопченой колбасы и, зажав добычу в зубах, пошел к лестнице, ведущей наверх.

На полпути он замер и тяжело вздохнул. Из-под двери его комнаты пробивался приглушенный свет. Это могло означать лишь одно.

Уже не таясь, Игорь поднялся на второй этаж.

– Здравствуй, сынок, – с кривой улыбкой на узком лице поприветствовал его Саша Восток, как только Фомин появился на пороге. – Ты знаешь который час?

Отчим сидел за компьютерным столом вполоборота к двери и небрежно крутил в пальцах свою любимую зажигалку, сделанную из когтя медведя.

– У меня были дела, – довольно грубо ответил Игорь, проходя в комнату. – И не называй меня сыном.

Он демонстративно, с хрустом, откусил кусок колбасы и принялся жевать, с вызовом глядя на отчима. Тот лишь усмехнулся, перебирая своими паучьими пальцами проклятую зажигалку. Сказал все тем же вкрадчивым, спокойным голосом:

– Дерзить не надо, сынок, – теперь «сынок» прозвучало с иной, уничижающей интонацией. – Мы с твоей матерью действительно переживаем за тебя. Она думает, что ты занялся сталкерством.

Игорь молча стащил свитер и бросил его на стул. Закинул в рот оставшийся кусок колбасы и принял привычный для подобных бесед отстраненный вид, глядя на фонарь за окном.

– Напрасно ты так, Игорь, напрасно, – с укором сказал Восток. – Я ведь тебе добра желаю, лучшей жизни, чем была у твоего отца и у меня. А раз я тебе не указ, так о матери подумай. Мы же одна семья, хочется тебе того или нет. А в семье оно как? Один за всех и все за одного. Влипнет коготок, так всей птичке пропадать.

Он продемонстрировал зажигалку, гладкая поверхность которой тускло поблескивала в свете лампы. Потом крикнул, поднимаясь. Ростом Восток был чуть ниже Игоря, сутулый и немного скособоченный. Однако Фомин отступил в сторону, когда отчим направился мимо него к выходу.

Возле двери отчим обернулся:

– И потом, Игорь, уговор у нас с тобой, не забыл? Ты ведешь себя как подобает уважающему кормильца сыну, не ходишь в Зону и выполняешь небольшие мои поручения. Если

нарушение первой части я еще могу списать на твой характер и молодость, то второе и третье уж будь добр выполнять. Не буду напоминать кто кому и чем обязан.

Игорь опустил голову и вновь промолчал. Ему нечем было крыть. А врать не хотелось, уж очень устал.

– Завтра в двенадцать будь у «России», – тон отчима стал жестким и деловым. – К тебе подойдет пацан и передаст листок с цифрами. Ты цифры запомнишь и передашь их Луке. Листок уничтожишь. Только не звони, а ножками до Луки дойди. Все понял?

– Понял, – кивнул Фомин. Отказаться он не мог.

– Вот и славно, – отчим хлопнул его по плечу. – Спокойной ночи. И помни про уговор. И про то, что все тайное рано или поздно всегда становится явным.

Он внезапно поморщился, прикоснувшись к щеке, задвигал челюстью, прислушиваясь к ощущениям. Бросил хмурый взгляд на пасынка и вышел, закрыв за собой дверь.

Несмотря на усталость, сон пришел не сразу. Какое-то время Игорь лежал, уставившись в темноту, и размышлял. Мысли ворочались в голове тяжело, они давили и мешали уснуть. Каждая требовала разрешения, каждая нуждалась в раскрытии.

Что на самом деле знает отчим? Где взять денег, чтобы уехать из Искитима и увезти мать? Спаслись ли Ряба и Гриф, и если не спаслись, то когда придут и за ним?

А также что именно от него хотели рэкссы?

Год назад. Новосибирская Зона Посещения

3 апреля 2015 года

Гигантская электрическая паутина плясала вокруг съехавшего с обочины бронетранспортера. «Веселый призрак» то игриво прыгал на броню, оставляя черные зарубки на ржавом металле, то соскакивал на землю, выжигая траву, то вновь прижимался к мертвой машине. Бронетранспортер отвечал глухим рыком давно заглохшего движка и миганием навесных фонарей. В воздухе пахло озоном, а от громкого электрического треска закладывало уши.

Игорь осторожно съехал обратно в кювет на другой стороне дороги и наконец выдохнул. – Ну, не ушел? – с нервным придыханием спросил Кулек.

Фомин отрицательно махнул рукой. Он перевернулся на спину, ложась на пустой рюкзак, и, вытянув шею, посмотрел в другую сторону.

Это был его второй выход «за забор». Даже не то чтобы выход, а скорее небольшой шагок в километровую от Периметра зону. Заходить глубже Игорь, честно говоря, боялся. Ему и того, что он уже увидел, хватало с лихвой.

По другую сторону от дороги, по вершине невысокой насыпи, тянулась кривая деревянная изгородь из покосившегося штакетника. Дальше с позиции замерших парней видно не было, но Игорь знал, что там начинаются старые пионерские лагеря, пустые и пугающие. Впрочем, Игорь успел заметить в стороне небольшое конопляное поле, а значит, где-то рядом могут обитать присматривающие за плантацией «фермеры».

– Если «губку» не добудем, то надо будет коноплю нарвать, – предложил Кулек. Видимо, не только Игорь вспомнил про плантацию.

– На хрена она тебе?

– Высушим и продадим. Все деньги, – судя по всему, парня охватило нездоровое возбуждение при мысли о халявных наркотиках.

– Плохая идея. За такие дела нас самих высушат и продадут. На органы.

Кулек разочарованно засопел, но тему закрыл.

Этого тощего и нервного парня Фомин знал плохо, их познакомил общий знакомый. Потом встречались пару раз в одних компаниях, даже общались о чем-то. Вроде бы звали Кулька Кулемин Павел, но Фомин в этом уверен не был. А неделю назад, на квартире у все того же знакомого, зашла речь про Зону и про всяческие виды заработка, с ней связанные. Будучи в уже изрядном подпитии, Кулек похвастался, что знает как по-быстрому достать дорогой артефакт, да нету напарника сходить «за забор». В шутку ли, а может поддавшись какому-то внутреннему желанию, Фомин предложил в напарники себя. Слово за слово, тема свернулась, и, если честно, на следующее утро Игорь и думать забыл про этот разговор. Тем сильнее было его удивление, когда через пару дней ему позвонил Кулек и спросил все ли в силе. И Игорь не смог отказаться, хотя что-то ему подсказывало, что лучше с этим делом не связываться.

А теперь они сидели в грязной канаве, в нескольких метрах от убийственной аномалии и не знали что делать. Ситуация, прямо скажем, показательная.

– Ты вообще в то место ходил? – запоздало спросил Игорь. – Тропу знаешь?

Кулек растерянно посмотрел на Фомина, захлопал глазами. Ответил неуверенно:

– Я только по вешкам ходил, недалеко. А тут в сторону нужно, сам же видишь.

– Вижу, – разочарованно выдохнул Игорь и в сердцах хлопнул себя по лбу ладонью.

Зачем связался? Ну зачем?

Кулек заворочался, раскорячившись, подполз к краю дороги. Игорь отметил, что его напарник похож на тощего оципанного куренка. В другое время он бы посмеялся, но сейчас было не до смеха. Ей-богу, хоть назад поворачивай.

Кулек сунул руку себе за спину, под куртку, и вытащил выдавший виды пистолет Макарова. У Игоря лишь глаза на лоб полезли.

– Эй! – страшным шепотом воскликнул он, дергая Кулька за штанину. – Ты чего удумал?

Тощий парень съехал вниз, к Фомину повернулось узкое лицо с нехорошей озорной улыбкой.

– Дай шмальну. Может, уйдет.

– А может, и нет, – Игорь с облегчением отметил, что пистолет на предохранителе. – Убери эту штуку от греха. Зачем ты вообще его с собой притащил в Зону?

Кулек пистолет не убрал, самодовольно покрутил его перед собой, любуясь.

– Прикупил по случаю, – произнес он, улыбаясь. – Хорошая вещь, надежная. Такая всегда пригодится.

– Ты меня не слышишь? На хрена ты его с собой взял?

– Мало ли, – прямодушно ответил Кулек, но пистолет нехотя спрятал под куртку – Всякое бывает.

– Не надо нам сейчас... всякого, – Игорь сглотнул, приходя в себя. – Он тебе ладонь, что ли, жжет? Хочется шмальнуть в кого-нибудь? Тогда давай разбежимся, я в таком не участвую.

– Все-все, убрал, видишь? – Кулек показал пустые ладони. – Чего ты так завелся? Лучше скажи, как «призрака» обходить будем?

Как ответить на этот вопрос, Фомин не знал. Потому вздохнул и с тоской посмотрел в сторону далекого Периметра.

– У меня вариантов нет. Артефакт точно возле бэтэра?

– За что купил, за то продал, – пожал плечами Кулек.

– Тогда возвращаемся. Артефактов много, а жизнь одна. В другой раз.

Кулек возражать не стал. Видимо, понял, что тут ловить действительно нечего.

– На поле заглянем? – с надеждой спросил он.

Фомин покачал головой. С наркотиками он связываться не желал.

Проторенным путем возвращались недолго – след из гаек пересекала полоса разрытой земли, словно кто-то прошелся плугом. Переступить через нее парни не решились, свернули в сторону и полезли на пригорок, в сторону пионерских лагерей.

Тишина Зоны обманчива, она представляет аномальную территорию пустой и необитаемой. Отчасти так оно и есть – Зона действительно практически необитаема, в ней даже находиться долго нельзя, последствия похуже, чем от лучевой болезни. Но Зона точно никогда не была пустой. И речь не о постоянно лезущих сюда людях – нет. Эта испорченная Посещением земля наполнилась артефактами, необъяснимыми явлениями и, конечно же, ловушками. Впрочем, всевозможные аномалии ловушками называли скорее по привычке. Ну какие они ловушки, если не преследуют цель поймать? Эти аномалии, физические и природные, они просто есть, они подчиняются каким-то своим внутренним законам и логике, но вряд ли их основной функцией является изошренное убийство. Это все равно, что обвинять сбросивший туриста в обрыв ветер в том, что он специально для этого и был придуман. Нет, ловушки являлись частью Зоны, были ее неотделимой экосистемой и испытывали к людям не больше чувств, чем ямы в лесу.

Однако сталкеры, народ жутко суеверный, приписывали аномалиям человеческие черты. Были разговоры даже про мстительность и злопамятность некоторых. Мол, если будешь вести себя в Зоне как благодарный гость, то меньше шансов погибнуть. И наоборот, если слишком наглеть, лезть куда не следует, относиться к Зоне без должного уважения, то она обязательно накажет.

Игорь старался быть объективным и рациональным, не поддаваться на всевозможные мифы и легенды, коими обросло любое явление в Зоне. Но когда он заметил, что по их следам движется, широко шагая и выстреливая в разные стороны электрические заряды, «веселый

призрак», то готов был биться об заклад, что эта синяя и потрескивающая зараза обладает разумом.

Бегать в Зоне могли себе позволить только сумасшедшие – подобный вид передвижения быстро сокращал их популяцию. Однако в сложившейся ситуации больше ничего не оставалось, как рвануть со всей возможной скоростью в сторону ближайшего панельного домика пионерлагеря. От страха Кулек принялся вслух читать молитву, путаясь в словах и именах святых. Игорь от души пожелал ему заткнуться, надеясь, что они не вляпаются в спешке во что-нибудь похуже «призрака».

Электрическая паутина осталась позади, вскочила на верхушки высокой травы и заскользила в противоположную от людей сторону, балансируя на расходящихся листьях.

– Зараза, – процедил сквозь зубы Фомин.

– Это еще хорошо, что мы рядом с Периметром, – выдохнул Кулек. – Тут ловушек мало.

Игорь с ужасом представил что же творится там, куда уходят за добычей настоящие сталкеры.

– Вчера Ахмед с тюрьма бежал, – забубнил припеваючи Кулек. – Все у него теперь ништяк. Ай, мама-мама-мама-джан, стоит на вышке наш земляк...

Он вытащил из нагрудного кармана сигарету, сунул в рот и безрезультатно защелкал не желающей загораться зажигалкой. Фомин молча сгреб сигарету и раздавил. Прокомментировал:

– Не дыми.

Кулек стрельнул глазами на Игоря, отвернулся и вновь забормотал строки песни.

Из-за домика открывался вид на неширокую дорожку, идущую мимо заброшенных построек лагеря. Одинаковые одноэтажные корпуса с покосившимися шиферными крышами, заваленный информационный щит с жалкими обрывками пожелтевших газет под мутным стеклом, кривой флагшток, теряющийся верхушкой в ветвях разросшихся деревьев.

– Периметр там? – Фомин указал в сторону далеких домиков.

– А? Вроде бы да, – откликнулся Кулек через плечо. – Но я не знаю есть ли там выход.

– Попробуем, – решил Игорь.

Он в уме прикинул куда идти дальше, выбирая, как ему показалось, безопасный маршрут. Вытащил из оттопыренного кармана гайку с привязанной белой ленточкой и приготовился кидать. Примерился...

И увидел артефакт. Небольшой круглый бублик из серебристого металла лежал прямо возле дороги, под размахавшим в разные стороны кустом. Если бы они шли мимо, то даже не заметили бы его, а так... Вот лежит – бери. И опасности вроде бы никакой рядом. Черт, насколько эта неуверенность в следующем шаге надоела! Не успел еще как следует начать в Зону ходить, а уже достало!

– Смотри, – Игорь толкнул Кулька и указала на артефакт.

– О, «браслет», – оживился тот. – Не «губка», конечно, но тоже ништяк! Пробьешь?

Фомин кивнул и бросил гайку в сторону куста. Потом еще одну чуть дальше и в сторону. Потом еще одну, ближе.

Гайки шмякались в траву скучно, буднично, и это успокаивало.

– Пойдем, – наконец решился Игорь.

– Стой! – неожиданно воскликнул Кулек. – Вон, рядом с кустом!

Фомин присел, усердно вглядываясь. Но ничего необычного не увидел, даже тени лежали так, как положено.

– Не вижу, – признался он.

– Да вон же, – напарник схватил его костлявыми пальцами за плечо и указал пальцем в сторону невидимой аномалии. – Воздух дрожит.

– Не знаю... Там что-то поблескивает, вроде паутины.

– Да, блин, это оно! Почти у самой дороги... Кинь туда гайку на всякий пожарный. Вон туда...

Трое людей появились так неожиданно, что парни даже не успели спрятаться или убежать. А неизвестные сталкеры, или кто бы они ни были, их сразу не заметили. Вышли друг за другом из-за дальнего домика и пошагали по дорожке прямо в сторону застывших парней. Одеты кто во что – частично в военное, частично в гражданское, но все ношеное, потертое. Первые двое выглядели какими-то болезными, с темными кругами под глазами. Они тащили здоровенные рюкзаки, словно заядлые туристы. Замыкал группу скуластый мужик с лежащим на сгибе локтя обрезом.

– Сука, палево, – еле слышно просипел за спиной Игоря Кулек.

Первые двое шли понуро, вперив взгляды в дорогу перед собой. Замыкающий о чем-то думал, уставившись в спину впереди идущего.

Троица миновала половину дороги, как вдруг идущий первым остановился в двух шагах от куста и хрипло оповестил всех:

– Грибочек!

И, нагнувшись, полез под куст, намереваясь сцапать «браслет».

– А ну грабли убрал! – вдруг завопил Кулек, и Фомин внутренне застонал, прикрывая глаза руками. А его нервный напарник уже шагнул вперед, сжимая в руке пистолет.

Троица замерла, подняв круглые глаза на парня с оружием. Тот, кто тянулся за артефактом, выпрямился и отступил в сторону, как раз в еле заметную «паутинку» на траве. Игорь заметил, как по штанине мужчины скользнуло что-то тонкое и блестящее. Скользнуло и пропало.

Второй сталкер, который тоже тащил рюкзак, смотрел настороженно, но как-то отстраненно. А мужик с оружием ничуть не испугался, сделал шаг вперед.

– Волыну опусти, олень, – посоветовал он.

– А ну стоять! – взвизгнул Кулек. – Это наша добыча!

– Не на тех твякаешь, паскуда, – не отступал мужик, и Игорь видел, как у него пальцы ложатся на спусковой крючок обреза. – Забирай свою барахульку и уматывай, пока не завалил.

– Чего? – взвился Кулек, явно чувствуя себя хозяином положения. Пистолет в руке явно не прибавил ему ума. – Рюкзаки на землю! – скомандовал он, вытягивая руку и прицеливаясь в ближайшего сталкера.

Ситуация становилась совсем дурной. Фомин поднялся, подняв руки и показывая пустые ладони. Как можно спокойнее сказал:

– Тихо, тихо. Сейчас все уладим, мужики...

«Турист», который вляпался в «паутинку» вдруг захрипел, хватаясь пальцами за горло. Его лицо стремительно багровело, на шее вздулись жилы. Он сделал несколько неверных шагов в сторону товарищей и упал на колени, беззвучно разевая рот, словно выброшенная на берег рыба.

– Эй, ты чего! – опешил Кулек, не зная что делать, но оружие не опустил.

– Ты что натворил! – заорал второй «турист», с ужасом глядя на упавшего на бок товарища. Тот крутился вокруг своей оси, задыхаясь и дергая ногами, и из раскрытого рюкзака на землю высыпались зеленые головки мака.

– Волыну на землю! – решил воспользоваться ситуацией мужик и вскинул обрез.

Выстрелы громыхнули практически одновременно. У Игоря сами собой подкосились ноги, и дальнейшее развитие драмы он продолжал наблюдать с земли, холодея от осознания того дерьма, в которое вляпался.

Неизвестно куда попал из своего обреза сталкер, но Кулек влепил ему пулю точно в грудь. Мужик охнул и упал, раскинув руки.

Оставшийся «турист» заорал, одним движением скинул рюкзак и побежал прочь, за ближайший домик. За ним погнался впавший в азарт Кулек, но у него, судя по всему, заклинило пистолет, и парень лишь тщетно дергал затвор. Потому быстро отстал и вернулся к встающему на ноги Игорю.

– Круто! – воскликнул Кулек в порыве чувств, его глаза блестели.

Фомин нецензурно выругался.

Попавший в ловушку сталкер уже не дергался и выглядел крайне плохо – он уже не двигался, его голова раздулась кровавым шариком, язык и глаза вывалились. Подстреленный Кульком мужик тоже не подавал признаков жизни, глядя в небеса остекленевшим взглядом.

Тощий напарник Фомина, глупо смеясь, подхватил «браслет» и помчался обыскивать сталкера с обрезом.

– Что ж ты натворил, Кулек, – пробормотал Игорь, оглядываясь.

Он постарался взять себя в руки и сообразить что же делать дальше. Спорить или ругаться на напарника бессмысленно, он явно не в себе. А то еще и застрелит, с него станется. Значит, нужно... что? Делать вид, что так и надо?

– О, глянь сюда, – Кулек помахал в воздухе скрученной в трубочку пачкой денег, судя по цвету, из тысячных купюр. – На хрена ему в Зоне такие бабки?

– Чтобы от патруля откупиться, – начал понимать Фомин. – Черт, Кулек, ты наркоторговцев убил!

– Не «ты», а «мы», – глаза тощего недобро сверкнули. – Мы же вместе, так? Да и кто узнает?

– Так один же сбежал...

– Наркоша конченный, – отмахнулся Кулек. – Или раб. Такой из Зоны своим ходом хрен выйдет. А если выйдет, то я его!..

Он взмахнул пистолетом, храбро выпятив подбородок.

– Ясно, – Игорь понял бесполезность каких-либо увещаний. – Уходить надо.

– Само собой, – не стал спорить с ним Кулек. – Сейчас, пара карманов осталась.

* * *

Спустя трое суток, когда Фомин начал верить, что все обошлось, в общей тусовке заговорили о внезапной пропаже Кулька. Мол, вышел из дома и не вернулся.

Сказать, что эта новость напрягла Игоря, – значит не сказать ничего. Попытался разузнать осторожно что к чему, но оказалось, что за этим типом подобные пропажи не редкость – то в полицию заметут, то отрывается у кого-нибудь на хате, то в загул уйдет. Мол, компаний у него много, всегда есть те, кто готов подогреть. Тем паче что Кулек внезапно хорошо поднялся на деньги, а потому мог быть где и с кем угодно.

Но Фомин пятой точкой почуял неладное. Только деваться ему было некуда – даже если он сам и уедет, в Искитиме останутся мать и сестра. А тем, кто, по мнению Игоря, вышли на его след, все равно на ком отыгрываться. Так что нет, бежать он не станет. Сам натворил, хоть и косвенно, самому и отвечать.

И за ним пришли. Заявились прямо на работу, в небольшой цех, занимающийся изготовлением металлоконструкций. Игорь как раз помогал товарищу приварить уголки к металлической двери, когда порог переступили двое крепких ребят с квадратными физиономиями.

Им навстречу вышел мастер цеха, пожилой дядя Кузя – для своих преклонных лет все еще крепкий и плечистый, с шикарными, как у Чапаева, усами.

– Чего-то хотели, ребята?

Но ребята быстро нашли взглядами Фомина, который так и не отложил в сторону железный прут. Один указал на него подбородком:

– Да вот с ним потрындеть надо.

Мастер перевел взгляд на Игоря, оценил бледность его лица и подрагивание железяки в кулаке. Вытирая руки грязной тряпкой, спросил у пришлых:

– А не ошиблись, ребята?

– Пасть закрой, – угрюмо посоветовал один, но второй перебил его жестом, примирительно сказал:

– Батя, мы по делу. Мы от Хазара.

После упоминания имени одного из авторитетных бандитов города даже мастер отступил, виновато посмотрев на Игоря.

Да тот и сам все понимал. Чем он может помочь? Разве что задержать на время? Так они его убьют, легко и не напрягаясь. Или цех сожгут. Или дом. С этими людьми шутить нельзя, эти шуток не понимают. Да и не стал бы Фомин подставлять старого наставника.

Игорь вздохнул, отложил железяку и покорно пошел на выход.

За воротами цеха стояла черная иномарка с открытым багажником.

– Полезай, – сказали ему.

Тут уж в Фомине разыграло упрямство. Раз уж ехать в последний раз, так не как баран на забой.

– Сам полезай, – огрызнулся он. – Я спереди поеду.

– Ты охреневший, что ли? – подскочил к нему тот, что позлее, и без замаха ударил в живот.

Игорю не дали упасть, когда он согнулся и заскрипел зубами, дернули за волосы вверх.

– Полезай!

– Я клаустрофоб, я там все заблюю, – без тени сомнения сказал Фомин, когда живот немного отпустило, и он смог дышать.

Его опять ударили, на сей раз с другой руки.

– Эй, мужики! – раздался напряженный окрик стоящего в дверях цеха дяди Кузи. – Хорош уже!

– Завали!

– Ха! – На голову борзого со всего маху приземлился кирпич, расколовшись пополам. Мелькнула худая фигура Чеснокова, который, словно бойцовский кот, прыгнул на второго здоровяка и вцепился ему в лицо, пытаясь разодрать ноздри и выдавить глаза.

Голова у борзого оказалась крепкой, он лишь упал на колено и нечленораздельно мычал. Понимая, что теперь отступать уже некуда, Фомин изо всех сил добавил бандиту в челюсть, стараясь выключить того из игры. Вместо одного удара понадобилось три – Игорь почти разбил себе руку, прежде чем его противник отрубился.

Тем временем второй здоровяк сумел отодрать от себя Гошу, сгреб его за куртку на груди и с методичностью парового молота вбивал в него свой кулак. Чесноков извивался ужом, половина ударов приходилась вскользь, но долго ему не продержаться.

– Игорь! – окликнул Игоря дядя Кузя, и рядом с парнем звякнул, упав, тяжелый монтажный ломик.

Фомин, не раздумывая, подхватил тяжелый инструмент и приложил им бандита по затылку. Тот упал как подрубленный, плашмя завалившись прямо на Гошу. Чесноков вскрикнул от боли.

– Гоша! – Игорь схватил за торчащие из-под лежащего без сознания здоровяка ноги Чеснокова и потащил на себя. – Ты как?

– Безобразно, – отшутился друг. Его меховая бородка слиплась от крови, на лбу и скуле наливались ссадины. – Это, вообще, кто?

– Друзья-приятели. Ты, вообще, откуда тут?

– За тобой заехал. Мы же сегодня в спорт-бар идем, помнишь? А про друзей-товарищей давай не ври, я у тебя один такой. Так кто это?

– Давай по пути объясню, – Игорь заметил, как бандиты начинают подавать признаки жизни. – Пора удочки сматывать. Дядь Кузя! Спасибо!

– Не за что, – подошел старый мастер. – Хоть за правое дело вписался?

– За правое, – встрял Чесноков. – Когда за своих – дело всегда правое.

– Ясно, – пробасил мастер. – Мне их попридержать немного?

Он выразительно посмотрел на ломик.

– Не надо, дядь Кузь, – мотнул головой Игорь. – Дальше мы сами. Лучше запри все и домой уходи.

Мастер не стал спорить, пожал парням руки и вернулся в свой цех. И лишь только тогда друзья побежали прочь.

Когда тебя ищут ребята одного из самых влиятельных бандитов города, то это само по себе не очень весело. Учитывая, что город не очень большой и почти все через кого-то знакомы, затеряться незаметно и вовсе становится почти неразрешимой проблемой. А уж если несчастный обременен семьей, которую любит и не хочет потерять, то сама по себе идея бегства видится глупой и самонадеянной.

Все эти факторы довели над Фоминым, пока они с Гошей отсиживались после драки на квартире у какой-то очередной девушки Чеснокова. Девушка неделю как уехала в Новосиб на сессию, оставив фактически бездомному Гоше ключи, так что грех было не воспользоваться. Но друзья понимали – что-то надо решать, и решать быстро.

– Заявятся домой как пить дать, – озабоченно сказал Игорь, стоя у окна с чашкой остывшего кофе в руке. – А там мать и сестра.

– А отчим? – спросил Гоша, потягивая трубку на длинном мундштуке и выпуская в потолок густые клубы дыма.

Фомин посмотрел на друга.

– А что отчим? Чем он может помочь?

– Ну не знаю. Он вроде бывший сталкер, нет? Может, связи остались?

– Он если и был сталкером, то очень давно, еще когда отец был жив. А сейчас так, барыга мелкий. Говорит, что занимается керамической плиткой и метизами.

– Говорит? А ты сам не интересовался?

Игорь неопределенно пожал плечами, пригубил кофе.

– У нас с ним как-то сразу не заладилось, – ответил он. – Он попытался установить дома свои правила, я сразу объяснил, что буду жить так, как жил до него. Да и вообще какой-то он скользкий, противный. Не хочу иметь с ним ничего общего.

– А мать?

– Что мать?

– Ну, – Гоша смущенно заерзал. – Мать-то как с ним?

– Да как... Не знаю. Ощущение, что она с ним сошлась только из-за того, чтобы меня на ноги поднять. А сейчас же не выгонишь, правда? Живем каждый своей жизнью, просто под одной крышей. Играем в семью. Да и, сам знаешь, у мамы что-то здоровье в последнее время не очень, не до отчима.

– Надо ее Борисычу показать, – заключил Чесноков. – Он ее вмиг на ноги поставит.

– Надо будет, – согласился Игорь, но тут же осекся: – Если жив останусь.

– Прорвемся, – со всем возможным оптимизмом сказал Гоша.

Фомин задумчиво посмотрел на него, пожевал губы. Потом, решив что-то для себя, оставил недопитый кофе в сторону и направился прочь из кухни.

– Пойду в туалет, – прокомментировал он другу, выходя в коридор. Оказавшись перед входной дверью, схватил с трюмо ключи, поднял ботинки и, щелкнув засовом, выскочил в подъезд. И, пока Гоша не опомнился, запер дверь снаружи.

На кухне с грохотом упал стул. Фомин торопливо принялся надевать ботинки.

В дверь забарабанили.

– Эй! – возмущенно заорал Гоша. – Ты чего надумал, придурок?

– Извини, дружище, извини, – забормотал Игорь, сражаясь со шнурками. – Я не могу тебя в это впутывать!

– Открой дверь!

– Нет! – Узелки наконец сформировались в бантики, и Игорь распрямился, глядя в холодный дверной глазок. – Так надо. Ключи оставляю под ковриком.

– Не смей! Игорь, я не шучу! Открой дверь! Я тебя одного не брошу!

– Я тебе позвоню как все закончится!

Фомин торопливо побежал по ступенькам вниз.

– Я спрыгну в окно! – вслед проорал разъяренный Гоша.

– Четвертый этаж, debil, – беззлобно буркнул Фомин.

В ответ, словно друг мог его слышать, оглушительно грохнула дверь.

Игорь почти выскочил на улицу, когда завибрировал сотовый. Скорее по привычке, ожидая увидеть номер Гоши, парень вытащил телефон.

На дисплее высвечивался номер отчима.

– Алле, – озадаченно ответил Фомин.

– Приезжай домой, – голос Востока был как обычно сух и бесцветен. – Есть разговор.

Шиповалов Александр Сергеевич, известный как Саша Восток, сидел за длинным столом в беседке собственного коттеджа и без особенного интереса грел в ладони стопку с коньяком. Напротив него, за бутылкой «Энисели» и блюдом с фруктами, развалившись в плетеном кресле, курил худой и жилистый мужчина примерно одного с Востоком возраста. Пальцы его были покрыты полустертыми блатными татуировками, один глаз заливало бельмо.

Рядом с незнакомцем стоял, набычившись, бандит, которого Игорь приложил ломиком. Стоило только Фомину войти во двор, как бандит злобно засопел, а его руки нервно сжались в кулаки.

Отчим краем глаза заметил Игоря, повернулся к нему и тоном извиняющегося за нерадивого отпрыска отца сказал:

– А вот и Игорек пожаловал, пасынок мой.

Худой смерил Фомина пронзительным взглядом. Игорь не отвел глаз, с вызовом разглядывал незнакомца, его покрытое морщинами лицо, тонкую линию губ, острый нос.

– Здравствуй, Игорь, – наконец сказал худой.

– Здравсте, – буркнул в ответ Фомин.

– Игорь, – обратился отчим. – Перед тобой Рустам Хазаров.

Игорь почувствовал, как по шее и спине пробежал холодок, а под ложечкой трусливо засосало. Сам Хазар!

Хазар, казалось, насмотрелся на Фомина, перевел взгляд обратно на отчима. Сделал глоток коньяка, пожеывая губы.

– Игорь, поднимись к себе, – обратился Восток к пасынку.

– Но... – Игорь хотел все объяснить, однако отчим жестом прервал его. Сказал с нажимом:

– Иди.

И Игорь пошел, ощущая на затылке тяжелый взгляд избитого бандита.

Как он поднимался к себе, парень не помнил. Отметил лишь, что матери дома нет. Запретил себе думать, что с ней что-то случилось.

Черт, сам Хазар приехал! Тот, о ком в городе ходили легенды, и зачастую не самые успокаивающие. И о методах главного наркоторговца города все были наслышаны – и как по его приказу расстреляли Витю Кота, который посмел засеять собственные плантации конопли. Как он друг за другом угробил в «мясорубке» двух сотрудников миграционной службы, посмевших шантажировать его. И далее, далее, далее...

Но почему он разговаривает с отчимом? Старые знакомые? Или отчим, а с ним мать в заложниках? Ведь никто не станет говорить с ним, с Игорем, а отчим с Хазаром почти ровесники, да и Восток какой-никакой авторитет имеет. По крайней мере Фомин хотел в это верить. Может, все срастется?

Минуты шли, словно часы. Фомин загнанным в клетку тигром мерил шагами комнату, нервно постукивая по костяшкам пальцев карандашом. Терпения не хватало, ему казалось, что за стенами творится нечто ужасное, что он не должен вот так покорно ждать своей участи. Но ему каждый раз вспоминался тон отчима и взгляд Хазара, после чего он решался подождать еще пять минут. И еще пять. И еще.

Наконец, изведенный и накрученный, он вытащил из стола старый охотничий нож, с которым ходил в лес еще в детстве, и остановился перед часами.

Вот сейчас, сейчас стрелка добежит до двадцати, и все, надо выходить. А там будь что будет!

Шаги Игорь услышал не сразу. Отвлеченный собственными тяжелыми мыслями, он пропустил момент, когда прихрамывающая походка отчима донеслась с лестницы и приблизилась к двери. Восток вошел без стука.

– Сядь, – скомандовал он с порога.

– Что там? – как-то по-детски спросил Игорь, подаваясь к отчиму.

– Сядь, – повторил Восток.

И Фомин сел, постукивая носком по полу.

Восток выглядел ничуть не изменившимся, словно и не провел почти полчаса в обществе одного из самых опасных людей Искитима. Он покачался на носках, оглядел комнату пасынка, словно видел ее впервые. Сказал:

– Вопрос решен, можешь больше не переживать.

– Как? А как же!..

– Все, больше никаких вопросов, – отрезал Восток. – Я сказал, что вопрос решен, – значит, нечего больше об этом говорить.

– Спасибо! – Игорь вскочил, искренне желая поблагодарить того, в ком так долго ошибался.

Отчим ударил прямо, без выкрутасов. Его кулак врезался Игорю в скулу, и тот, не ожидая нападения, отлетел назад, роняя стул.

– Я сказал – сядь, – тем же спокойным голосом сказал Восток. Он вытер кулак большим носовым платком в синюю клеточку, убрал его в карман. Пока ошарашенный Фомин садился на кровать, отчим не произнес ни слова и продолжил разговор лишь тогда, когда посчитал, что пасынок выполнил его требование:

– Вопрос закрыт – точка. Теперь ты мне пообещаешь кое-что, и это станет нашим соглашением. Либо же ты сам идешь к Хазару, а я говорю ему у кого сейчас в гостях твоя мать, он очень хотел это знать. Согласен на такой расклад?

Игорь замотал головой.

– Я пообещаю что нужно! – искренне сказал он.

– Хорошо, тогда слушай сюда – отныне ты живешь по моим порядкам. Ты будешь выполнять кое-какие мои поручения, без вопросов и без отказов. Станешь, так сказать, благодарным родственником.

– Я согласен!

– Вот и ладно. А теперь можешь расслабить булки и успокоиться. И забудь, что и кого видел на заднем дворе. Бывай, сынок.

И вышел, хлопнув дверью.

А Чесноков в тот день сломал себе ногу, пытаясь вылезти из квартиры по связанному белью.

Новосибирская область. Город Искитим

18 января 2016 года

Комната у Фомина была небольшая, в мансарде, откуда оба окна смотрели в низкое зимнее небо. Игоря иногда подмывало прорубить еще одно, хоть маленькое, окошко на улицу или во двор, но никак не доходили руки. Зато было замечательно лежать летом на кровати и смотреть, не выходя из дома, на звезды.

В остальном можно было сказать, что из своей комнаты Игорь вырос, как вырастают из детских штанов. Вся мебель и обстановка остались еще с тех пор, как семья Фоминых переехала жить в дом к отчиму, поэтому больше соответствовала подростку, чем вполне зрелому мужчине, коим Игорь себя считал. По-хорошему, ему давно пора было бы уже съехать на отдельную жилплощадь, завести семью. Но он просто не мог оставить все как есть, необходимо было сначала позаботиться о матери. А для этого нужны были деньги. Много денег.

Поэтому пока все шло как шло, и соседствовали рядом друг с другом старые перочинные ножи с зазубренными лезвиями, затертые боксерские перчатки, плакат с красивой фотографией закатной Зоны, книжные полки с еще советскими словарями и энциклопедиями и ноутбук с разрисованным корпусом.

Фомин стянул одеяло и зябко поежился – в комнате было прохладно, окна затянули белые кружева изморози. Игорь быстро натянул штаны, сунул ноги в тапки и поскакал в ванную умыться. После, размявшись и позавтракав, плюхнулся за стол и включил ноутбук. Открыл новостную страницу, нашел вкладку «Криминал, происшествия». Если Рябу или Грифа взяли, то могли и в сводку дать, мол, задержали очередных сталкеров. Впрочем, могли и не дать – новость так себе, подобным уже никого не удивишь.

Новости о задержанных сталкерах не было. Это успокаивало. Не особенно надеясь на результат, Игорь попробовал постучаться к Рябе через скайп. Неудачно. Осталось лишь одно.

– Алло, – голос Рябы в трубке был сонным и ленивым. – Игорь, привет.

– Здорово. Ты как сам?

– Да нормально все.

– Дома?

– Ага.

– А с Грифом не знаешь что?

– А что с ним? – искренне удивился Ряба.

– Ну... Приняли его или нет?

– Не знаю, я сам по себе был.

– Ладно, позже встретимся, обсудим. Отдыхай.

– Спасибо, пока...

По телефону о делах говорить не стоило, легко могли прослушивать. Была у властей такая практика – сажать на крючок всех, кого они считали причастным к незаконному изъятию взятых объектов из Зоны. В принципе, Игорь нигде засветиться не должен был, его еще ни разу не ловили, но вот за Рябу он не ручался.

Фомин сбросил соединение, задумчиво постучал пальцем по пластиковому корпусу телефона. Можно, конечно, попробовать через знакомых поискать другие контакты Грифа, но не хотелось бы, чтобы стали всплывать какие-то вопросы, – чем меньше людей знает, что Игорь связан со сталкерами, тем лучше.

Вернувшись за ноутбук, парень некоторое время бесцельно кликал по сайтам новостей, залез на интернет-маркет туристического оборудования в поисках недорогой амуниции. Наткнулся на трейлер очередного фильма про Посещение, поржал над явной глупостью сце-

нарисован и режиссера – действие происходило в Африканской Зоне и в сюжете участвовали какие-то мутанты-людоеды, гигантские москиты-убийцы и мужик, собравший себе из артефактов суперкостюм. И все это под адреналиновые покатушки по Зоне на багги, взрывы и перестрелки.

Подобные фантазии частенько вываливались на экраны кинотеатров, хотя в последнее время тема и потеряла новизну. Самое поганое было то, что после просмотра подобных фильмов многие зрители начинали воспринимать аномальные территории как парки аттракционов, полные захватывающих путешествий и нераскрытых загадок. И в итоге самые впечатлительные оплачивали нелегальные экскурсии в Зону (хотя дальше предзонья их никто не водил), а иные предпринимали самостоятельные походы «за забор». Чем зачастую подобные походы заканчивались, объяснять никому не нужно.

Взглянув на часы, Игорь с легким удивлением отметил, что время приблизилось к одиннадцати часам. Пора было перекусить и идти на встречу, сосватанную отчимом.

Спустившись на первый этаж и пройдя в кухню, Фомин увидел стоящую у мойки мать.

– Ма, привет! – воскликнул он весело. – Я думал, что ты на работе... Ма!

Худая, невысокая женщина с выцветшими от времени русыми волосами, одетая в домашний халат и передник, никак не отреагировала на призыв сына, она словно была всецело поглощена мойкой.

Игорь замер возле кухонного стола, лицо его посерело. Он приблизился к матери и мягко положил ладонь на плечо, заглядывая в лицо.

– Мама...

Фомина Ирина Леонидовна, женщина пятидесяти четырех лет, мыла невидимую посуду, вода руками с пустотой под струей теплой воды. Лицо ее не выражало абсолютно ничего, взгляд пустых глаз устремлен куда-то сквозь кухонный кафель на стене.

– Мама, – тихо, как с лунатиком, заговорил Игорь, чувствуя, как от жалости накатывают на лоб морщины. – Мама, очнись.

Ирина Леонидовна продолжала мыть несуществующую посуду.

Парень тяжело вздохнул, выключил воду и положил ладонь на ее худые пальцы. Повернул женщину прочь от плиты и за плечи отвел к небольшому мягкому уголку возле окна.

– Садись, – сказал он.

Мать подчинилась.

– Вот так, – заботливо приговаривал Игорь. – Посиди немного, отдохни. А лучше закрой глаза и поспи. Все пройдет... Все пройдет...

Завтрак не лез в горло, но парень заставил себя покушать. На мать старался не смотреть, уперев взгляд в миску с гречневой кашей и котлетой. И когда уже стоял обутый в коридоре, услышал:

– Игорек, ты? А чего не на работе?

Сглотнул горечь, через силу улыбнулся и посмотрел в обрамленные морщинами глаза матери.

– Так я ж выходной сегодня, ма! Пойду пройду по делам.

– А, хорошо, – Ирина Леонидовна словно только что проснулась, рассеянно вытирала влажные руки передником и непонимающе оглядывалась.

– А я что, уснула?

– Да, мам. Прикорнула на диванчике.

– Ох как. И не помню... Ты когда вернешься? Я шей из свежей капусты сделаю.

– Не знаю, – честно ответил Игорь и нетерпеливо затоптался. – Я побегу, опаздываю.

И с облегчением вырвался на мороз, сжимая от бессильной злобы зубы.

За это Зона тоже должна ответить!

К Дому культуры «Россия» Игорь пришел несколько раньше намеченного времени. Погода выдалась чуть теплее, чем накануне, но нос и уши все равно успели замерзнуть.

Потоптавшись немного на крыльце и решив, что вполне успеет выпить кофе из стоящего в фойе автомата, Фомин заскочил за стеклянные двери бывшего Дома культуры. Здесь позволил себе стянуть шапку и ослабить шарф.

В фойе никого не было, кроме дремавшего в своей будке охранника. В свое время Дом культуры перестроили под развлекательный центр, придали лоск и шик, оформили кинотеатр и ночной клуб. Игорь еще помнил те времена, когда они с Чесноковым и Старцевым лазали через черный ход на чердак и смотрели через узкое окошко под потолком фильмы, на которые их не пускали родители, потому что «рано еще на баб голых смотреть».

Сейчас те фильмы «для взрослых» можно без особенных купюр показывать в начальных классах – то, чем ныне из Интернета «заправляется» школота, ребятам из детства Фомина даже и не снилось.

А еще здесь были драки после дискотек. И курили в углу. И водочку первый раз пробовали...

М-да, поколения вроде бы и разные, а подростковая идиотия все та же – сиськи-письки, покурить-похулиганить. К слову, в детстве казалось, что с возрастом всех обязательно обуяет мудрость, вынося из молодых и дурных голов молодые и дурные мысли. Ан нет, головы у многих успели поседеть, а дурные мысли в них так и остались, с годами приобретая краски и фактуру. Раньше про таких говорили «дурак по жизни», ныне же – «у него просто такое кредо».

Наливая себе кофе из аппарата, Игорь задумался о собственном кредо, поразмыслил, не является ли сам «дураком по жизни», и в этих раздумьях не заметил подошедшего к нему мужчину в тяжелой длинной дубленке.

– Ты от Востока? – поинтересовался он с ходу.

Фомин недоуменно обвел фойе взглядом. Не без издевки спросил:

– Ты видишь еще кого-то?

– Ясно, – мужик оказался без чувства юмора, его небритое лицо нисколько не изменилось. – Вот.

Он протянул Игорю маленький листок, сложенный пополам. И замер, чего-то ожидая.

– Что-то еще? – нахмурился Игорь.

– Нет, это все.

– Ну тогда пока.

– Ага, пока, – мужик словно того и ждал, развернулся и пошагал на выход. Игорь, глядя ему в спину, усмехнулся.

Вновь оставшись один, парень зашел за колонну и развернул листок. На нем оказались два четырехзначных числа, написанные карандашом в столбик. Без труда запомнив цифровые комбинации, Фомин разорвал бумажку и бросил обрывки в стаканчик с недопитым кофе. Помешал получившуюся бурду пластиковой ложечкой и выкинул вместе со стаканчиком в высокое мусорное ведро. Так, осталось теперь добраться до Луки. А это на окраине, придется трястись на автобусе. Что ж, до встречи с Чесноковым времени вагон, еще получится перекусить.

Взгромоздив шапку и подняв воротник, Игорь пошел в сторону стеклянных дверей, за которыми виднелась замерзшая искитимская жизнь. И, чем больше он приближался к выходу, тем острее ощущал, что что-то происходит не так.

«К тебе подойдет пацан и передаст листок с цифрами» – так сказал отчим. Пацан, а не мужик. Не мог же отчим ошибиться – этот, в дубленке, выглядел совсем не как «пацан». Или «пацан» в смысле «из бандитов»? Ерунда какая-то.

Стоп! А если это подстава? Если вместо посыльного пришел полицейский опер или кто-то из Бюро? Хрен его знает чем конкретно промышляет отчим, но вот Лука – известный в определенных кругах «специалист по логистике», способный перевезти что угодно куда угодно. Говорили, что через него партии артефактов и наркоты утекают из Искитима. А с виду не скажешь – работяга работягой. Впрочем, про отчима тоже не подумаешь, что он с Хазаром лично знаком, однако ж.

Или все это ерунда? Вот так накрутишь себя, а проблемы-то и нет. В конце концов, ему что сказали сделать? Передать цифры. Что там будет дальше – не его забота.

Махнув, таким образом, на все подозрения рукой, Игорь вышел на замерзшее крыльцо ДК, сбежал по ступенькам и пошагал на автобусную остановку. Ждал транспорт недолго, однако пришлось втискиваться – небольшой «пазик» оказался битком набит едущими на обед людьми.

Машину, идущую следом, он заметил остановки через две, стоя у задней двери. Видавшая виды «девятка» катилась неторопливо, не обгоняя, но и не отставая. В темном салоне Игорь смог разглядеть, по меньшей мере, двоих человек. Понаблюдав за «девяткой» некоторое время, Фомин понял, что это все неспроста.

Его «пасут», факт! Все сомнения излишни! Он на крючке, с которого срочно надо спрыгивать.

Игорь бросил быстрый взгляд по сторонам, пытаясь высмотреть в безразличных лицах причастных к слежке. Но, судя по всему, все «рыболовы» тряслись сейчас в промерзшей машине позади.

Фомин поежился, буквально кожей ощущая их терпеливое внимание, пронзающее автобус словно рентгеновские лучи.

И что делать? К Луке идти нельзя – судя по всему, они не знают кому именно Игорь должен передать послание. Значит, надо съезжать с темы. Выходить на следующей остановке и попытаться сбросить «хвост». Даже если поймают, то пришить нечего не смогут.

Фомин начал было продвигаться к выходу, когда другая идея пришла ему в голову.

Стоп. А что, если все сделать как планировалось? Ему на Луку, собственно, плевать, да и хороший шанс нагадить отчиму. Дойти до конца, передать цифры... Не-е, если что-то серьезное, то повяжут как соучастника.

Игорь с надеждой посмотрел назад, но преследователи и не думали пропадать.

Черт! Думай, думай!

Сотовый сам собой скользнул в руку, неприятно прилипнув к ладони холодным пластиком корпуса. Сжатый со всех сторон дышащей и ворчащей массой людей, Игорь кое-как поднял руку к глазам и нашел номер Востока. Набрал, приложил телефон к уху.

– Алло, – отчим ответил сразу, словно ждал звонка.

– Я не один, – насколько мог тихо прошептал Игорь. – Не могу идти... куда шел. Есть другие варианты?

– Нет, – голос Востока даже не поменялся. – Это твоя забота. Делай что должен.

И отключился. Игорь в голос выругался, удостоившись нахмуренного взгляда пожилого соседа.

Автобус тряхнуло на ухабе, он вразвалку покатился с горки. Сейчас будет поворот, потом остановка. А через одну – дом Луки, почти возле самой дороги. Как раз над автомастерской. И окна у него как раз...

Автобус сделал поворот, чиркнув подножкой по сугробу, кривобоко подкатил к обледеневшему грибку остановки и остановился, с шипением распахнув двери. Игорь рванулся наружу, расталкивая стоявших на пути. Вырвался наружу, чуть не оставив в салоне шапку, и принялся торопливо чертить на грязном боку «пазика» запомненные числа. Когда в поле зрения появилась бордовая «девятка», автобус как раз тронулся, а последняя цифра – тройка – чуть смазалась нижним хвостиком, выскальзывая из-под пальца Игоря. Миг – и Фомин уже

бежал прочь, в спасительные дворы. За спиной завизжали тормоза, хлопнули двери, и морозный воздух наполнился ругательством. Но Игорь уже свернул за трансформаторную будку, на ходу доставая телефон и молясь, чтобы тот не выскользнул из онемевших рук. Когда в трубке раздался низкий голос Луки, Игорь почти что прокричал:

– В окно посмотри! На автобусе!

Перемахнув сугроб в конце дома, Фомин увидел, как отстали преследователи, в бессильной злобе грозя ему кулаками. Но остановиться он себе позволил не раньше, чем выскочил на большую улицу, по которой, сутулясь и пряча лица под шарфами, сновали прохожие. Только тут, заскочив в ближайший продуктовый, Игорь дал себе передохнуть.

Успел Лука увидеть автобус? Разглядел ли цифры? Впрочем, и хрен бы с ним и всей его шайкой... Ну, отчим, вот это подстава! А быть может, Восток хотел, чтобы Игоря схватили? Быть может, хотел избавиться таким образом? Хотя нет, чушь. В Искитиме есть много более гарантированных способов заставить человека исчезнуть. Сколько лежит по окрестностям Зоны безымянных тел, которые никто никогда не обнаружит? Так что имело место чистое совпадение. Отчим играет в грязные игры, в них немудрено запачкаться и постороннему. Но пускай, Игорь готов. Лишь бы подобраться поближе, лишь бы понять что за человек этот неприметный мужичок с прячущимся взглядом. Потому что вечно быть на привязи Фомин не хотел. А для того, чтобы сорваться, нужно позаботиться о матери. А пока нет возможности прижать отчима, за ее безопасность следовало опасаться.

Эх, зачем же ты появился в нашей жизни, Саша Восток, зачем?

Отдышавшись и немного поостыв, Игорь вытащил телефон и набрал отчиму сообщение: «Сделал как смог». Потом стер последние слова и оставил лишь: «Сделал». Незачем оправдываться, вышло как вышло.

Чтобы не привлекать излишнее внимание и без того напрягшегося охранника, подозрительно на него посматривающего, Фомин прошел вглубь магазина и заходил между стеллажами, разглядывая товар. Позвонил Гоше.

– Гоша на проводе, – в своей обычной манере начал разговор Чесноков.

– Повесился, что ли? – спросил Игорь, остановившись напротив банок с консервами. – Я уже освободился. Если все в силе, то могу подойти куда надо.

– Экий ты быстрый, – озадаченно хмыкнул Гоша. – Так-то рановато... Ты можешь пару часиков поболтать где-нибудь?

– Не вопрос. Что потом?

– Потом подъезжай к «Сайлент-Хилл». Там встретимся.

– Договорились, – Игорь посмотрел на часы. – Ты мне еще позвони, как соберешься ехать. Мне тут недалеко, пара остановок.

– Я тебя точно не напрягаю? – заботливо спросил Чесноков. – А то смотри, я сам...

– Слушай, Гоша, завязывай давай эти свои «шаг вперед и два назад». Ты просил помочь – значит, надо помочь. А другу помочь – святое. Ты же мне друг или так, мимо шел?

– Друг. Самый лучший и дорогой, между прочим.

– Вот на том и остановимся, дорогой ты мой. А то ишь, взял моду...

– Все-все, – засмеялся в трубку Гоша. – Уговорил. Возьму тебя с собой.

– Вот ты зараза!

– Ладно, бывай. На месте объясню что как. Увидимся.

– Ага, покеда.

Игорь спрятал телефон в карман и задумчиво пожевал губы.

Поболтать пару часиков... словно это не Искитим, а Лас-Вегас, чтобы можно было в разгар буднего дня где-то интересно и увлекательно поболтать. Ладно, есть идея совместить приятное с полезным, а заодно худо-бедно перекусить.

Киношники и писатели сформировали в умах обывателей стойкую мысль, что сталкерская братия, подобно мифическим пиратам с Тортуги, все свободное время проводит в полутемных и прокуренных кабаках и барах, предаваясь моральной деградации и дележу добычи. На самом деле никто в здравом уме не будет трясти артефактом или хвастаться своими нелегальными походами в местах, где много посторонних людей. Поэтому «правильные» сталкеры кучковались на флэтах – на квартирах, куда пускали далеко не каждого. И уже там предавались моральной деградации и иногда дележу добычи.

Владельцы «квартирников» обычно были из бывших сталкеров, одиноких и бездетных. Гости обязаны были приносить с собой еду, выпивку и сигареты, это считалось обычной платой за вход. На флэтах можно было остаться пожить пару-тройку дней, пообщаться с нужными людьми, обзавестись контактами или просто выпить в любое время дня и ночи.

На флэт, хозяином которого был некто Крыс, Игоря когда-то привел Чесноков, который с тем самым Крысом вырос в одном интернате. Фомин довольно быстро влился в разношерстную компанию, сделался своим, всегда с интересом слушал истории, но никогда не лез в чужие дела.

Прикупив в магазине водку, бутылку минеральной воды, две банки рыбных пресервов, тушенку, пачку чая, упаковку сахара, пельмени и хлеб, Фомин вышел на улицу и пошел дворами в сторону окраины. По пути останавливался и оглядывался на случай, если так и не удалось оторваться от слезки. Но либо его хорошо «вели», либо, что больше походило на правду, действительно оставили в покое, потому без особенных приключений Игорь добрался до четырехэтажных панельных домиков, за которыми начинались пустыри заброшенных промышленных территорий. Зашел в подъезд с обычной деревянной дверью без каких-либо кодовых замков и поморщился от местного кисло-затхлого запаха, густо висящего в воздухе. Так обычно пахнет в домах, на которые всем плевать, которые доживают свой век и не особенно рады новым лицам. Запах в подъездах вообще не умеет лгать, он сразу высказывает все, что думает о тебе, без экивоков, в лицо.

В дверь стучать следовало особенным образом – два раза, раз, два раза. Лишь после этого кто-нибудь по ту сторону удосуживался подойти и посмотреть в глазок. Если стучать обычно или как-то иначе, то, сколь бы ни была уверенность гостя, что в квартире кто-то есть, на него просто не обратят внимания.

Добротная, по местным меркам, дверь отворилась, и на пороге Игоря встретил заспанный хозяин – Крыс, в миру – Мышкин Олег. Невысокий, с длинными и не совсем чистыми волосами, с запущенной щетиной и мешками под глазами, Крыс являл собой канонический образ русского хиппи – безработный лентяй, живущий на пособие, полностью отрицающий реалии окружающего мира, но вполне понимающий и принимающий его блага в виде спиртного и легких наркотиков. Болезнь «детей Зоны», называемая синдромом Руффа, внешне почти не изменила Крыса, в отличие от того же Гоши, но год за годом сжирала Крыса изнутри, вылезая онкологическими болячками, потерей памяти и судорогами лицевых мышц при длительном нахождении на солнце. Образ жизни лишь усугублял это положение, однако хозяин флэта плевать на то хотел, стараясь прожить остаток жизни в свое удовольствие.

– Заходи, – Крыс посторонился, пропуская Игоря.

Фомин без лишних разговоров кивнул и вошел внутрь, шурша пакетами.

На флэту сегодня было немногочисленно. В маленькой комнате, обставленной лаконичной мебелью советской эпохи, полулежал в продавленном кресле и смотрел бубнящий телевизор Лаки, завсегда и собутыльник Крыса. Возраст Лаки определить было невозможно, да и многих смущала обезображенная левая часть тела – нога ниже колена отсутствовала, рука походила на высохшую лапку кузнечика, а часть лица оплыла и сморщилась, закрывая глаз валами шрамов. Лаки всем рассказывал, что получил увечья, когда доставал редкий внеземной объект, причем степень уникальности артефакта напрямую зависела от количества выпитого бывшим сталкером.

На разобранной софе, прижавшись боком к тусклой лакированной спинке, спал прямо в одежде Ромка Фукс, которого Зона наградила астмой, мигренью и лишила двух пальцев на руке.

Пока Игорь снимал куртку и искал место на вешалке, Крыс деловито поинтересовался содержимым пакетов, выудил холодную бутылку водки, буркнул что-то довольное и удалился в дальнюю комнату, прикрыв дверь.

Из кухни доносились голоса, за полупрозрачным желтым стеклом угадывались подсвеченные лампой силуэты. Туда и направился Игорь, сунув ноги в дырявые тапочки и прихватив пакеты.

В небольшой кухне было накурено, хоть топор вешай. Открытая форточка не спасала, и сизый дым тяжелой тучей нависал над квадратным столом, за которым сидели двое.

– Привет, Фагот, – поприветствовал знакомого парень. – И тебе привет... Маша?

– Маша, – отозвалась девушка, нахмурившись. – Память отшибло?

– Немного, – не стал вступать в перепалку Фомин, водружая пакеты на стол. – Угощайтесь.

Собственно, именно Фагота Игорь и рассчитывал увидеть. Этот некогда крепкий, а теперь немного раздобревший мужик с седыми висками, залысиной и усами «под доктора Ватсона» был сталкерским наводчиком – человеком, продающим и покупающим информацию обо всем, что связано с Зоной. Фагот никогда сам не ходил «за забор», никогда не имел дел с артефактами или наркоплантациями, свой кусок пирога он зарабатывал практически не выходя из дома. Или, как сейчас, попивая чай из чудом уцелевшей в квартире Крыса чашки тонкого китайского фарфора.

Девушка же... С девушкой все было чуточку сложнее. Эта кудрявая бестия не так давно чуть не сорвала Фомину выход за Периметр.

Понимая, что прервал какую-то личную беседу, Игорь, тем не менее, невозмутимо нашел в шкафу кастрюлю, наполнил ее водой и поставил на огонь. Раз Фагот молчит, значит, ничего страшного. А что Маша недовольно сопит – так на то ее право.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.